

ТАИНСТВЕННАЯ РЕКА

8,9 — ДУТ

Владимир Буров

Владимир Буров

8, 9 – аут. Таинственная река

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24389998

ISBN 9785448504402

Аннотация

Третий роман о девушках-боксершах трилогии «8, 9 – АУТ», приключения, детектив в некотором смысле, потому что в каждом романе существует киллер, который неизвестен, и надо его вычислить. Поединки происходят не только на обычных рингах. В ресторане, например, вместо танцев на шесте. Иногда даже между столов по желанию гостей ресторана. Сама Зона, куда попадают девушки, тоже не совсем традиционная. Больше похожа на Зону будущего, когда на заработанные деньги можно сходить в бар, и так далее.

Содержание

Глава первая. Прибытие	5
Глава вторая. Переодевание	27
Глава третья. Амба	49
Глава четвертая. Наследница	73
Глава пятая. Рубиновые изумруды	94
Глава шестая. К северу через северо-запад	115
Конец ознакомительного фрагмента.	127

8, 9 – аут

Таинственная река

Владимир Буров

© Владимир Буров, 2017

ISBN 978-5-4485-0440-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Прибытие

Девушка в платице белом и синей с аленькими цветочками косынке шла по узенькой дорожке и напевала:

Называют меня не красивою.

Так зачем же он ходит за мной?

– Эй, ты! Стоять на месте. – Девушка остановилась. – Ты кто, красотка? С этапа, что ли?

– Есс. Ай эм.

– Англичанка? Я люблю англичанок. – Сержант Валера нес каптерщику две больших пачки Индюшки. Но неожиданное сексуальное видение посетило его. Давно этого не было, подумал парень. Раньше оно приходило к нему часто. Раз в два месяца, после именно двухмесячного воздержания. Это была толстая негритянка, которой Форрест Гамп подарил чек на десять миллионов долларов. Почему именно она? Трудно сказать. Может быть, потому, что у нее было много детей. Или из-за того, что она так удивилась подарку в десять миллионов, что упала в обморок? Скорее всего, и то, и другое. Но не сразу вместе, а в порядке очереди. – Я слышал, в Англии много негров. Ты, случайно, не черная? Ну, не черная, а такая коричневая, как горькая бабаевская шоколадка. – Он подошел поближе, и увидел, что девушка по-

хожа не на негритянку, а больше на немку.

– Что? Не подхожу? – спросила девушка.

– Да. Но не то, чтобы да, а скорее нет. Ты однозначно не Марлен Дитрих. И даже больше похожа на немца, чем на немку. Но, да видно, если не везет, то это надолго, – вздохнул Валера и предложил даме пройти в номера.

– Куда, простите?

– Туда, – он показал рукой в сторону каптерки.

– Окей. И да, – сказала девушка, – чем здесь занимаются?

– В каком смысле? – удивился даже Валера, который слышался всякого.

– Ну, валят лес, или, может быть, роют канал? – уточнила девушка.

Парень рассмеялся.

– Это так смешно? Я что-то не то сказала?

– Без сомнения.

– По-вашему, все знают специализацию этой колонии?

– Нет, наоборот. Никто как раз не знает, – ответил Валера. – Удивляет другое.

– Что?

– Никто не может угадать. Некоторые даже думают, что мы добываем здесь большую руду.

– Большую руду? А что это? Уран?

– Ты за что сидишь? – спросил Валера. – На урановые руд-

ники посылают только тех, кто совершил тройное убийство. Не меньше. Здесь добывают зеленый лёд. Я тебе это сказал только потому, что знаю: отсюда не сбежишь.

– А с урановых сбежишь?

– С урановых выпускают, если раб доживает до конца срока. А отсюда выходят только на рога. А потом опять сюда.

– На рога? А что это такое? Что-то очень страшное?

– Поселение.

– Рога – это поселение?

– Да. Многие получают пятнадцать и пять по рогам. Некоторые выдерживают пятнадцать. Но никто не может выдержать пять по рогам.

– Что же с ними случается? – спросила дама.

– Просто срываются, – сказал сержант. – И возвращаются назад. А так работа не пыльная.

– Что они делают?

– Сплавливают лес.

– А ты говоришь, что здесь нет лесоповала?

– Верно. Здесь нет. А там, – он показал на высокий сплошной забор, увитый колючей проволокой, – полно. Можно даже сказать: сплошной лесоповал. Но он только для Рогов. Ты будешь добывать...

– Да, я уже знаю. Ты говорил: – Зеленый Лёд.

– Зеленый Лёд, это верно. Но ты, наверное, не знаешь, что это такое.

– Это...

– Потом скажешь, – прервал девушку Валера, – мы пришли.

Он отдал чай каптерщику, и спросил:

– Отдельный кабинет где?

– Та, как обычно, – ответил мужик, – здесь. Я ща выду, а вы трахайтесь, пожалуйста. Все, как обычно же ж. Никто не подавал на улучшение жилплощади. Только я можа чай заварю?

– Заваривай. Только быстро, – сказал Валера. И добавил, обращаясь к девушке: – А ты не стой, раздевайся пока.

Она вроде бы начала, развязала шнурки, но вдруг, как будто что-то вспомнила, остановилась и спросила:

– А это обязательно?

– Разумеется, – не оборачиваясь, буркнул сержант.

– Вы уверены?

Каптерщик усмехнулся и спросил:

– Шо, тока с этапа? – И добавил: – Тогда я можа тожа займу очередь?

– Я против, – сказала девушка. – Я читала Декларацию Независимости.

Сержант удивился, но спросил:

– Что там написано?

– Там? – повторила девушка. – Да, написано, что ни хох-

лам, ни сержантам ничего не давать бесплатно.

Ребята ахнули, когда услышали такое. Как будто осел начал разговаривать. Действительно, зеки больше мычали, чем говорили. Ведь в этом случае намного труднее доказать виновность раба в непослушании. А зеков здесь называли именно рабами. Точнее, не рабами, а рыбами. Просто так без злого умысла. Называли и всё. Как муху называют мухой, а таракана тараканом. Правда, и себя охранники ставили ненамного выше. Но считали, как когда-то графы, своим неотъемлемым правом право первой ночи. Как, впрочем, и любой другой. И не только. День тоже принадлежал охране. Поэтому и сержант, и хохол каптерщик очень удивились, услышав разговоры о Декларации Независимости.

– Ее надо было отправить в дурку, – сказал каптерщик. – Она ничего не понимает.

Сержант тоже растерялся. Такого еще не было. Этапница, месяц евшая селедку в столыпине, вдруг отказывалась от чая, сигареты и хлеба. И только из-за того, что ее хотели еще вдобавок трахнуть. Даже не смешно. Просто не понятно.

– Я отвык от насилия, – пошутил каптерщик. – Честно. – Валера не успел ничего ответить. Его опередила этапница. Она сказала:

– Зато я не отвык.

– К-как? – заикаясь, переспросил сержант Валера. – Вы...

то есть ты сказала: сказал.

— Да, вы не ослышались. — И дама сняла синий с аленькими цветочками платочек. Парик остался на голове. Но и в парике только, без платка этот человек был похож на женщину. Хотя непредвзятому взгляду так бы не показалось. Это был настоящий мужик.

— Мы не верим, что ты мужик, — сказал сержант. — И знаешь почему? Здесь женская Зона. Нет, честно, ты заблудился. Если ты мужик, то ты заблудился, — добавил сержант. — Здесь из зеков только три мужика. Вот каптерщик, зав. столовой и врач. Остальные бабы. А мужики на другой Зоне. Это рядом, почти за забором. — Валера это сказал, как будто уговаривал этапницу не превращаться в мужика. Бесполезно, свободных мест нет.

— Та, что ты ее уговариваешь, — сказал каптерщик. — Взял да проверил.

Валера подошел поближе и, наконец, понял, что ошибся. Да это и не мудрено: мужиков здесь не бывает. Их роль играют волосатые женщины. У него вдруг появилась надежда, что это одна из них. Но, с другой стороны, он знал всех Селестин. Почему-то здесь было принято называть всех женщин, выполняющих мужскую работу, Селестинами. Или просто Сэл, Сэлли. Наверное, потому, что в наличии были только лес, темное облачное небо и река. Этого мало. Хочется экзотики. Хотя она здесь была. В некоторых местах была жара,

как в Египте. Поэтому иногда так и хотелось спеть:

Над тобой лишь солнце палящее светит,
Надо мною лишь кедры в снегу.

Скорее всего, песня и была здесь придумана. Кто-то бежал отсюда с секретными записями о погоде на этой Зоне и написал эту знаменитую песню. Примерно, как учитель Солженицын из Гулага. И не зря.

Каптерщик еще что-то говорил про украинские апельсины, а Валера уже получил два первых удара. В нос и в солнечное сплетение. Это было бы ужасно, если бы Валера еще с детства, в детдоме не привык к такому обращению. Он потянулся к пистолету. Вдруг этот разбойник не знает, что пистолет у него в кобуре не настоящий. Настоящие недавно запретили. И не из-за того, что зеки отнимали настоящие пистолеты у прапоров и сержантов, а наоборот, потому что эти охранники – как стало казаться – применяли оружие без достаточных оснований. Слишком часто. За последний месяц было убито тринадцать женщин. А ведь они могли бы приносить пользу. Могли бы добывать Зеленый Лёд. Ведь не многим дают пятнашку и пять по рогам.

– Надо ценить наших рыбынь, – говорил начальник колонии на общем собрании зеков, сержантов и прапоров. И тут же предложил охранникам сдать оружие. Ну, чтобы

все видели: теперь все будет по-честному. – Убить рыбу без пистолета не так просто, – добавил он. И покинул трибуну.

Сержант получил по очереди два хука. Слева и справа. Он упал на стеллажи с женским бельем. Оттуда выбежали два мышонка.

– Итс ми, – сказал каптерщик. Он думал, это значит: – Это мои. В том смысле, что прирученные для развлечения мышата. Но по удивленному лицу незнакомца понял, что ошибся. Ибо это было больше похоже на:

– Я – мышь.

– Мать вашу, – сказал Валера, – очевидно, вы не были на общем собрании.

– На общем собрании акционеров? – спросил Алексей. А это был именно он. Он не был зеком с соседней мужской Зоны. Он работал под прикрытием. Все хотел завязать с этой работой. Но всегда, как только он хотел это сделать, не хватало денег, чтобы начать новую жизнь. Никто не брал его акционером. Да разве без денег возьмут! Волки, а не люди. Да не волки – хуже. Гиены. А с другой стороны, они ведь:

– Капиталисты.

Он был посажен в столыпин на предпоследней станции, ночью. Утром на него никто не обратил внимания. О том, что он будет здесь работать под прикрытием, не знал никто. Даже начальник колонии. На этом настоял сам Алексей.

– Добыча Зеленого Льда контролируется Пятой Колон-

ной, – сказал Алексей. – Значит, коррупция практически стопроцентная. Никому нельзя доверять. – И с ним согласились.

Но ему без посторонней помощи удалось задержаться. Он отстал от основной массы этапников. Точнее:

– Этапниц.

– А что было на этом собрании? – спросил Алексей.

– Оружие-то у него не настоящее, – сказал каптерщик.

– Да?

– Конечно, – обиженно ответил Валера.

– Ну и не надо было его вытаскивать.

– Я не знал, что вы не знаете.

– В общем, так, ребята, теперь вы будете работать на меня.

И знаете почему?

– Почему? – спросил каптерщик.

– Нет, – ответил сержант Валера.

– У вас нет выбора. У меня задание: или вас грохнуть, или привлечь на свою сторону.

– Какие ваши доказательства? – спросил каптерщик. Кстати, его звали Вася.

– Послушай, парень, – сказал Алексей, – сейчас прибудет курьер с приказом о снятии тебя с должности. А я буду назначен сюда каптерщиком. Этого доказательства тебе достаточно?

– Без сомнения, – сказал Василь. – Тока этого не будет.

И знаете почему? Открою вам большую тайну.

– Сосеешь, что ли, у начальства? – спросил Валера.

– Есс, ай эм. Я сосу... прощу прощенья, я стучу самому начальнику колонии. Он меня ни за что не снимет с этой блатной работы.

– Вот сейчас ты увидишь доказательство моей правоты, – сказал Алексей. И добавил: – Соглашайся, пока не поздно быть моим заместителем.

– Я что должен буду делать? – спросил Вася.

– Будешь работать.

– Кем, я никак не пойму?

– Грузчиком.

– Не-ет! Я отвык работать физически.

– Ты, в натуре, оборзел, Вася, – сказал Валера. – Не хочешь здесь – пойдешь на лесосплав. Человек тебе, в натуре, халтуру предлагает, а ты прешь, как бык рогатый.

– Ты купился на фуффло.

– А если сейчас прибудет курьер?

– Не будет никакого курьера, – сказал упрямо Вася. И добавил: – Давай, вяжи его, сдадим, получим премию. По телке на неделю и по два кило краковской.

– Не, я еще не забыл, как он меня избил, – хотел сказать Валера. Но не успел. Хохол набросился на Алексея. Он был здоровый кабан.

– Ну, че, москаль, не ожидал увидеть мою богатырскую

силу? – Он обхватил Алексея сзади за шею двумя руками. Обычно дети говорят друг другу:

– Так нельзя, – когда им так зажимают голову.

Сейчас это сказал сержант Валера:

– Ты ему, в натуре, голову оторвешь.

– А кто он такой? Нам только спасибо скажут. Более того, мы можем никому ничего не говорить. Просто спустим его в Зеленый Лёд.

Неизвестно, вырвался бы Алексей из хватких лап апельсинового хохла, если бы дверь не открылась, как в сказке. На фоне черных туч стоял курьер. Он так сильно ударил Васю сзади по яйцам, что Вася открыл замок, и со стоном сожаления отпустил руки. Он повернулся к курьеру, и тот провёл ему двойку. Два прямых в нос. Теперь и каптерщик, как до этого сержант после удара Алексея, залился кровью.

– Вы че делаете, быки?! – рявкнул курьер. – И опять нанес хохлу Васе два удара. На этот раз в живот. Каптерщик упал на колени. – Собирайся, – сказал курьер.

– Куда? – одними губами спросил Вася.

– Как куда? – сказал курьер. – Таких, как ты только в одно место отправляем.

– И куда его теперь? – с интересом спросил Валера.

– На расстрел.

– Вы серьезно? – спросил окровавленный Вася.

– Я не люблю шутить, – ответил курьер. – Думаю, что и ты это дело скоро разлюбишь. И знаешь почему?

– Почему? – спросил Вася.

– Покойники не шутят.

После этих слов Василь побежал. Курьер встал на одно колено и прицелился.

– Подождите, – остановил его Алексей. – Я возьму его в помощники.

– Вы, видно, предлагали уже ему стать вашим помощником, – сказал курьер. – Он отказался?

– Да.

– Да, – повторил курьер, И добавил: – А теперь его разве догонишь.

– Это вопрос?

– Это ответ, – и он три раза выстрелил в бегущего человека. – Удивительно, но не попал. – Далеко успел убежать, – сказал курьер. И добавил: – Падла быстроногая. Олень. – Но я его достану. А вы можете приступить к работе

– А можно, я сам его приведу?

– Давайте. Если сможете. Пока я чай пью.

– Так быстро я не успею.

– Значит, не можете. Да черт с ним. Пусть его рыбы съедят.

Сержант Валера собрался уходить. И предложил то же самое сделать курьеру.

– Пойдем вместе?

– Я забыла...

– Я забыл. Так будет правильное, – сказал курьер, – но у меня с собой были конфеты. Раковые шейки. Слышали?

– Конечно. Они у вас с собой?

– Да, я просто за... забыл про них.

– Я бы тоже не против, выпить чаю с Раковыми шейками, – сказал Валера. Он уже начал снимать портупею.

– Не надо, – сказал курьер. – Мы хотим остаться одни. Надеюсь, вы понимаете?

– Нет, – ответил сержант. И добавил: – Впрочем, это не важно. Я ухожу.

– Пока. И помните, что вы у меня на крючке. – Сержант прошел несколько шагов и остановился. На лбу выступила испарина. Он никак не мог вспомнить, на чем попался. С другой стороны: какая разница? Все, что от него требуется – это не болтать. Он на это способен. По крайней мере, бесплатно.

– Ну?

– Простите, я не понял: ну – да, или ну – нет?

– Скорее да, чем нет.

– К сожалению, это невозможно.

– Почему?

– Я мужчина.

– Думаю, вы в курсе, что у каждого свои недостатки. – Алексей хотел что-то сказать, но курьер его перебил: – У меня – свои, а у вас – свои. Неправда ли? – Алексей опять открыл рот, но курьер продолжал: – Я – девушка, а ты мужчина. Я права? Или вы думали, что я думала наоборот?

Парень был очень удивлен. Оказалось, что у этого курьера не было мандата на снятие с должности каптерщика Василя.

– Как же вы решились на такой чудовищный подлог? – спросил Алексей.

– Я тебя долго ждала. Не могла же я допустить, чтобы тебя здесь арестовали.

– Но я не знаю, кто ты? – удивился Алексей. – Более того, как ты узнала, кто я?

– Мне подбросили записку.

– А как же бывший каптерщик? Он нас сдаст.

– Не бойся, его возьмут на себя рыбы. Ты знаешь, кто такие рыбы?

– Нет. Более того, я не знаю, кто ты.

– Мне очень жаль. Я думала, ты догадаешься. Ведь когда-то ты меня любил. – Алексей быстро начал перебирать в уме тех, кого он любил. Ни одна не была похожа на этого курьера.

– Может быть, ты не веришь, что я женщина?

- Точно не знаю.
- Тогда я разденусь?
- Думаю, нет. И знаете почему?
- Нет, – печально ответила девушка.
- Я сам надеялся найти здесь одну прелестную девушку.
- Да? Это интересно. Скажи, кто она? Может быть, я ее знаю?
- Да нет. Ее здесь нет.
- Почему? Ты только что сказал, что она здесь.
- Я просто надеялся, что она здесь. Так, чисто пожелание судьбе.
- Тогда может мне раздеться?
- Подожди немножко, я подумаю.
- Сколько?
- Что, сколько? Ах, сколько! Нет, думаю, не надо. Я почему-то верю, что найду ее здесь.
- А в чем твоё да, и в чем нет?
- Я боюсь напугать тебя, – сказал Алексей, но все-таки добавил: – Она умерла. Более того, ей отрубили голову.
- Ужас!
- Не надо было говорить. Я понимаю, но ты сама настояла на этом ужасном рассказе. Она была... – хотел продолжить Алексей, но девушка его прервала:
- Она была боксершей.
- Да, – радостно воскликнул Алексей. И добавил: – Разве

тебе это уже было известно?

– И вы меня не узнаете?

– Честно? Нет.

– Ай лав ю. А теперь?

– Тоже нет.

– Знаешь, почему ты меня не узнаешь? Ты думаешь, что твоя девушка должна быть среди покойников. Верно? А я на покойника не похожа.

– Я подумал именно так. Теперь я это понимаю, – сказал Алексей.

– Ты знаешь, как можно отличить покойника от того, кто им не был? – спросил курьер.

– Нет.

– Тогда знай. Он получает на грудь Звезду Сотис или Сириус. Это наколка. А на плечо сзади трилистник с бабочкой. Но это бывает только во второй раз. Если человек был покойником три раза, ему дают что-то еще. Я пока не знаю, что именно. Но знаю, что после трех похорон человек становится бессмертным.

– И ты в это веришь? – удивился Алексей.

– Да, – ответила девушка. – Посмотри, пожалуйста, – и она разделась. Над левой большой грудью была специфическая звезда. – И знаешь, – добавила она, – здесь у всех такие.

– Я...

– Ты не знал, что тебя посылают к покойникам? Да, ты не знал. Тебе не сказали. Ты не справишься. По крайней мере, без меня.

– Жаль, что я не могу тебя вспомнить, – сказал Алексей.

– И мне жаль, – сказала девушка.

– Так ты не знаешь, как тебя звали?

– Конечно, нет. Если бы знала, давно бы сказала.

– Вот оно что! – Алексей подпер голову рукой, и уставился на нее. – Нет, вот, что хочешь со мной делай – не помню.

– А я надеялась на тебя, – вздохнула девушка. – Тогда зови меня пока что просто Лайза. – Я думаю, не будет ничего страшного, если мы познакомимся заново?

– Это вопрос?

– Да.

– Конечно.

– Конечно, да, или, конечно, нет?

– Может быть, хватит болтать?

– Хорошо, давай займемся делом. А то скоро придут этапы за одеждой. Мы должны быть в хорошем настроении. – Она быстро разделась. – Все равно не узнаешь?

– Нет.

– Ну, теперь это уже не имеет значения. Давай.

– Давай да, или: давай нет?

– Прошу вас, прекратите разговаривать.

– Я буду нем, как Русалка до выхода на берег, – неожидан-

но для самого себя сказал Алексей. И мысленно схватился за голову.

– Неужели это она?!

– Ты что-то опять сказал, милый друг?

– Нет, нет, я только подумал, что, возможно, скоро вспомню, кто ты такая.

– Прощу тебя, не думай о времени свысока. Его и так осталось мало.

– Ни о чем нельзя думать, когда делаешь это?

– Я никогда не думаю. И знаешь почему?

– Подожди, не говори. Я сам попытаюсь догадаться. Я думаю, с чего бы ты ни начинала свои размышления, даже с Ван Гога, Караваджо или Теории Относительности – в итоге ты всегда скатываешься, а может быть, даже поднимаешься туда, где живут твои бывшие мужчины. А может быть и женщины. И в данном случае я становлюсь только машиной времени, привозящей тебя на встречи с ними. Выступаю, так сказать, в роли таксиста.

– Таксист, – сказала она мечтательно. – Можно, я буду называть тебя Таксистом.

– Можно. Но не всегда.

– А насчет мужчин ты ошибаешься. И знаешь почему? Бывают неопровержимые теории. Они действительно неопровержимы. Только эти теории не учитывают исключения из правил. Критические точки. Правильная теория за-

нимает все пространство. Почти все. Кроме крайних критических точек. И там она не действует. Понимаешь?

– Нет.

– Представь себе Черную Дыру. Представил? Так вот это то же самое.

– Это значит, что я один затянул тебя в себя, как Черная Дыра? И кроме меня у тебя никого не было.

– И кроме тебя у меня никого не было, – сказала девушка.

– Это очень сильно. Я бы тебя запомнил.

Это была Люда. В последнем бою Русалка отрубила ей голову прямо на ринге своим хвостом. Как гильотиной. И теперь она знала про себя только, что была боксершей. Но при прибытии на эту Потустороннюю Зону под названием Зеленый Лед каждый должен был представиться. Кем? Кем хочешь. Некоторые вспоминали цветы. Как-то:

– Лютик, Орхидея, Лилия. – И так и просили записать себя. Другие думали, что лучше быть машиной. И их записывали:

– Трактористка, Машинистка, Крановщица. – Были и такие, кто хотел записаться, как:

– Проститутка. – Но им было отказано.

– И знаете почему?

– Почему? Разврат запрещен? – спрашивали девушки.

– Да нам по барабану, что вы делаете обычно, – отвечал НПК – Начальник Приемной Комиссии. – Просто под этим

именем уже находится довольно большое количество контингента. Вы согласны?

– Конечно.

Люда попросила записать себя:

– Сорок Первый.

– Какие ваши основания? – спросил Председатель. – Так-то мы обычно не спрашиваем о смысле. Но у вас двойное имя.

– Просто я забыла, как ее звали.

– Кого?

– Сорок Первого.

– Придумайте аналог, – сказал один из Замов Председателя.

– Хорошо, – ответила Люда, – зовите меня Лайза.

– Лайза Минелли? – спросил второй Зам Председателя.

– Не нагружайте ее терминами, – сказал Председатель. И добавил: – Запрещено. Тем более, я думаю, она не умеет танцевать.

– А петь? – спросил Зам по культурно-массовой, что, то же самое, воспитательной работе.

– Тем более, – ответил Председатель.

– У меня бы запела, – сказал Зам по оперативной работе.

– И да, – добавил Зам по КМ, – почему вы Председатель сами отвечаете за этапницу.

– Понравилась, – изобразил улыбку Зам по ОР.

– Чепуха, – ответил Председатель, – я таких попок перевидал!.. тысячи. – А надо сказать, что этапницы представляли перед комиссией голыми. Ну, это и естественно. И знаете почему? Положено было смотреть, не появится ли кто-нибудь с хвостом. Особенного в этом ничего не было. Но дело в том, что некоторые, узнав еще на этапе о том, что хвостатым контингенткам предоставляются преференции, приклеивали к себе искусственные хвосты. Да такие натуральные, что можно было только диву даваться. Правда, почти все они думали, что это должны быть хвосты обезьян, котов, крыс, или, по крайней мере, змей. И вызывали этим неудержимый хохот ПК, Приемной Комиссии. Хвост должен быть рыбий. Еще лучше, если это был хвост Русалки. Но этого пока что не встречалось. Хотя однажды ребят из ПК обнули. Девушка по имени Амфибия предстала пред ними именно с Русалочьим хвостом. От радости и удивления все закрыли рты. И ее пропустили. Сделали ГК, Главным Козлом.

Прошу прощенья, Главной Козой. А вышло, что хвост был просто приклеен специальным крепким клеем прямо к талии. И вдобавок, они ничего не делала, только трахалась со своими подругами, пила вино и курила. Правда, только Мальборо. Все теперь знают, что на зеленой, как лед, пачке этих знаменитых сигарет, которые курил... Впрочем, кто их только не курил! А изображена теперь Русалка.

Все долго смеялись, получив от вышестоящего начальства строгие выговоры. Я имею в виду, смеялось вышестоящее начальство. А здешние ребята, наоборот, плакали. И с тех пор стали раздевать всех не просто до нижнего белья, а прямо до гола. И капитально обследовать.

Лайза. Сомнительно, сказал бы Алексей, если бы слышал эту историю. Ибо сомнительно, что эта девушка одержала сорок побед и только в сорок первом потерпела поражение.

Ну, посмотрим, посмотрим.

Глава вторая. Переодевание

– Нам тут когда-нибудь откроют?! – наконец услышали они раздраженный голос снаружи.

– Пришли, – тихо сказал Алексей. И начал быстро одеваться.

– Че ты так взбаламутился? – спросила Лайза. И добавила: – Чё ты забегал, как Контра, когда за тобой в пять утра пришли.

Алексей чуть не обиделся. Он не знал, что слово Контра было, можно сказать, любимым словом Лайзы. Иногда ее даже так и звали не только знакомые, но и друзья:

– Контра. – Вон Контра идет.

– Красивая, – обычно звучал ответ.

– Сопьется, – отвечал печально, тоном Анны Герман собеседник.

И Лайза успокоила Алексея:

– Не обижайся, милый друг, я сама не знаю, откуда ко мне пристало это слово. Контра. В следующий раз, когда его услышишь, будь уверен:

– Я думала о тебе. Я думала про любовь.

И да:

– Ты не хочешь меня поцеловать?

– Спасибо, нет. Я уже почистил зубы. – Алексей схватил-

ся за голову. Прости, замотался. Надо бы давно открыть, а то они стучат, – парень показал на дверь, – как будто торопятся на выпускной бал. И поэтому... а да! и поэтому я ошибся. Дело не в том, что я уже почистил зубы, и уже не могу сегодня целоваться, а в том, что ты еще не чистила.

– Я не чистила? – девушка сделала лицо с гримасой непонимания. – Что именно?

– Зубы. Разве я не сказал?

– Ты сказал. Я это слышала. Просто я не понимаю, при чем здесь зубы? Они, что, у меня такие большие, что мешают целоваться? По-твоему, я лошадь? Отвечай. Я лошадь?!

– Пожалуйста, не надо кричать. У меня уже болят уши.

– Так что, мне теперь еще уши помыть? Целуемся мы не зубами, а губами. Отсюда вывод: зубы не могут мешать хорошему человеку при поцелуе. Теперь про уши. У меня уши, как у слона? Нет? Нет, – резюмировала девушка. И добавила: – Более того, даже если бы уши у меня были очень большими, как у слона, например, ты мог бы – если бы любил меня по-настоящему – поддержать их руками. Окей? Впрочем, ты прав.

– Ну, я же сказал.

– Прости, пожалуйста, я еще не договорила. Я сначала просто не поняла твой намек. Ты говорил о французском, а если говорить просто, по-русски, русалочьем поцелуе. По-

целуе с зубами.

– Русалочий поцелуй это поцелуй смерти, – быстро сказал Алексей.

– Да? Хочу, чтобы ты меня поцеловал этим поцелуем. С зубами.

– Я не знаю, как это делать, – сказал парень.

– Просто возьми меня за язык зубами.

– А потом?

– Потом тяни. Тяни сильно.

– До какой степени сильно?

– Как можно сильнее. Но только, чтобы не оторвать его совсем. Тогда это действительно будет:

– Поцелуй смерти.

– Эй, вы! – слышалось за дверью. – Сколько можно ждать? Сейчас выломаем дверь. – И кто-то другой добавил:

– И тогда трахнем вас обоих. – Девушки думали, что здесь все мужики. Поэтому:

– Обоих, а не обеих.

– Поцелуемся после, – сказала Лайза. – Я открою, а заодно пойду почищу зубы. И знаешь почему? Французский поцелуй мне понравился. Я имею в виду не сам поцелуй, а его проект. Сам-то поцелуй, как ты уже узнал, я еще не пробовала.

– Да, да, конечно, – сказал парень. – Я буду готов к твоему приходу.

– Точно?

– Без обмана.

– Значит, ты не обиделся?

– Нет, конечно. Ты была права, я сам должен был почистить тебе зубы, прежде чем предлагать французский поцелуй. Действительно, трудно спросонья понять, что вам предлагают именно поцелуй с языком и зубами. Ты не виновата.

– А мы спали?

Алексей задумался. И добавил:

– Тем более, если бы мы спали.

– Ломайте дверь, – слышалось снаружи. И добавили: – Скорее всего, там никого нет.

– А если есть, то было бы лучше, если бы их там не было. И знаете почему?

– Знаю. Тогда мы их просто грохнем. – Дверь открылась, и первой стояла могучая дама по уже местной криминальной кличке:

– Машинистка. – Вот так – значит, вот так. – Хотя ей бы подошла больше кличка:

– Башенный Кран. – Точнее: Без-башенный. Так как эта дама сразу сказала Лайзе: – Сейчас я тебе выпишу пропуск. На Тот Свет. – И двинула правой рукой вперед. Но Лайза уклонилась, и провела хорошую двойку. Хук слева, а удар правой попал прямо в лоб. Машинистка сделала несколь-

ко шагов назад, покачалась немного и упала на спину. Как Новогодняя ель. Только вместо снега в стороны разлетелись этапницы. Двое из них даже упали. И не понятно было: от ветра, поднятого падением Машинистки, или от ужаса. Ну, может, не от ужаса, но от страха это точно. Им показалось, что на медвежатницу, которой была этапница по кличке Машинистка, набросилась из берлоги злая взъерошенная медведица. Тем более, если она была там с медведем.

Алексей между тем тоже вышел, и сказал:

– Заходите, заходите, друзья мои, по очереди.

Этапницы оказались очень разборчивыми. Те, кому выдали оранжевые майки, кричали:

– Дайте мне синюю. Эта мне мала. – А другие, наоборот:

– Дайте мне оранжевую, или нет, лучше желтую, эта просто не нравится. Честно, я чувствую себя в этой чертовой футболке, как настоящее дерьмо. Более того, какое-то синтетическое говно.

– Дайте мне из чистой шерсти, – говорила другая. – Или хотя бы с десятью процентами синтетического волокна. Здесь сколько? Нет, я возьму, цвет мне нравится. Но чтобы не больше десяти. Здесь точно не больше?

– Я не проводил лабораторного анализа, – сказал Алексей, – но там написано, что десять. Как вы просили.

– Да мало ли, что там написано. Я, – сказала эта девушка,

как Станиславский и Немирович – Данченко вместе взятые – не верю. Может быть, я не верю? Как вы считаете, доктор, я верю или нет?

– Ай доунт ноу, – сказал Алексей. И перевел: – Я не доктор.

– А кто? Докторша, что ли? И знаешь, я не против тебя проверить. Ты за? Ты согласен, доктор?

Пока эта девушка вела диспут сама с собой, ее футболку забрала другая. Она только что вошла в каптерку вместе с двумя подсобницами. Ее так и звали: Каменщик. Именно Каменщик, а не Каменщица. Да и с виду никто бы не поверил, что это женщина. Мужик волосатый в натуре. Говорят, до этого секретного закрытого поселения она была штангистом. Только женского рода. Но это вряд ли.

– С таким ростом только электриком работать. Лампочки удобно вкручивать. Лестница не нужна, – сказал кто-то.

Ее подручные так и сказали на Комиссии:

– Запишите нас Подсобницами.

– Подсобница один.

– И Подсобница два.

Председатель улыбнулся:

– Можно-то можно, – сказал он. И добавил, как когда-то Шукшин: – Да только нельзя. И знаете почему?

– У нас здесь другая система. Здесь не строятся коровники. Поэтому Каменщики, а тем более их Подсобницы нам

не нужны. Допустим, одному Каменщику мы не можем отказать. И то только из-за того, что нет таких цветов в природе. Слишком уж волосата и высока ростом. Хотя бамбук тоже высокий, а в Южной Америке живут цветы людоеды. Теоретически можно бы подобрать и ей подходящее цветочное имя. Но если хочет – пусть будет Каменщиком. Тем более, потенциальные масоны будут ее бояться. Каменщик у них вроде архиепископа. Но Подсобники – это уже слишком. И да: ты будешь Лютик, а ты...

– Хочу быть Орхидеей! – воскликнула вторая девушка.

– Отлично. Так и запишем, – сказал Опер. И добавил: – Зайдешь потом ко мне.

– Потом суп с котом, – ответила смелая девушка. – Я хочу сейчас!

Но ее быстро успокоили и вывели из здания ПК, Приемной Комиссии. Она не поняла сути происходящего, поэтому всем радостно рассказывала, что не только стала первой Подсобницей Каменщика, но получила родовое имя. По-здешнему семейство. А именно:

– Орхидея Стучащая.

Некоторые тоже хотели вступить в это семейство. Но их почему-то не брали. И им приходилось хвалить себя, как зеков, свободных от этой плачевной зависимости:

– Стучать на других зеков.

– Стучать пошла, – говорили они, показывая на женщи-

ну, которая шлепала к Воспитательному Корпусу. – Хотя отлично понимали, что тоже хотели бы так жить, но... никто не предлагает. Почему спрашивается? Непонятно.

Кстати здесь не было такого слова:

– Зек, или зечка. – Всех называли просто, как я уже говорила:

– Рыбы. – И мужчин с соседней Зоны, и женщин здесь. Кстати не было и Воспитательного Корпуса. И дело даже не в том, что этот институт был признан лицемерным придатком прошлого. Просто это место называли:

– Аквариум. – Почему? Пока точно не знаю. Вероятно, потому, что здесь за хорошую информацию можно было получить пачку Индюшки, или кофе. Тоже индийский. Так сказать:

Я в японских ботинках
Разрисована, как картинка.
В русской шляпе большой.
И... И с индийскою душой!
А – ба – ра – я! Русалка я!

Я – в носках американских,
В узких брюках я британских,
В русской шляпе большой!
И с индийскою душой!

Так-то вроде все понятно. Кроме души.

– Мы, что, йоги? – сказала как-то на комиссии одна девушка – блондэ. – Они же ж черные, как Дарданеллы! А мы-то совсем другие. Мы, как Мэрилин Монро. И тут же спела песню про сахар. Сахарок, точнее. Шугэ. Айм Шугэ. И попросила так и записать ее:

– Шугэ! – Сахарок.

– Скорее всего, – ответил Зам. по Ка, по культуре, имеется в виду, – дело было... дело было связано с Пушкиным. У него русская девушка описывается, как царевна не только чисто говорящая по-русски, но и со звездой во лбу. Так сказать:

– А во лбу? Звезда горит! – Ну, а у индийцев на лбу всегда родинка. Предполагается, что раньше, во времена Махабхараты, была звезда. Как у русских. У египтян Третий Глаз, у евреев и вавилонян – Крест, у немцев, естественно – Свастика, а у русских, как у индийцев – Звезда!

Звезда любви заветная.

Другой не будет никогда!

К тому же, мы долгое время перед Перестройкой пили именно Индийский кофе. Другого не было. Пили и радовались, ибо серьезно думали:

– И другого не будет никогда.

Вот теперь эти дамы стояли в проходе и улыбались. Точнее, улыбались только Подсобницы – как их все-таки и прозвали – Лютик и Орхидея. Каменщик села рядом с девушкой хорошо разбирающейся в процентном содержании шерсти и других лавсанов и полиэстеров в спецодежде рыб.

– Верните мне мою любимую майку, – сказала девушка, обратив внимание, что Каменщик стала натягивать на себя ее оранжевую одежду.

Далее, Русалка.

– Вы ее растянете! – схватила за сердце девушка.

– Я вам выдам другую, – вступил в разговор Алексей. – Не надо ссориться, дорогие лэдис энд джентльмэн.

– Кто здесь жентельмен? – нахмутив брови, спросила Каменщик. И добавила: – Скройся с глаз, козлиное отродье.

– Кто козел? – спросил Алексей. – Я козел?! – И добавил: – Да за такие слова я тебя одену так, что Подсобники не узнают!

– Ну давай, иди сюда, каптерщик, – сказала Каменщик, – и встала. Она поманила его ладонью. – Давай, давай, ближе, малыш. Еще ближе.

– Это мой спор, – сказала девушка в оранжевой футболке. И добавила: – Можно, я сама разберусь.

– Можно, я сама разберусь! – передразнила ее Каменщик. – Мамочка, можно я сама ему дам? – Многие, особенно

Подсобницы Каменщика, громко рассмеялись.

Каменщик взмахнула рукой, но промазала. Она не стала повторять удар по оранжевой этапнице, а, обойдя ее, так врезала Алексею, что парень быстро зашагал назад, но так и не смог удержаться на ногах. Он упал, едва не опрокинув себе на голову самовар. Да, друзья мои, новоприбывших здесь встречали самоваром с шоколадными конфетами. Несмотря на то, что шоколадные конфеты нынче дороги.

– Посмотри сюда. Посмотри сюда! – еще громче сказала девушка в оранжевой футболке.

Каменщик нехотя повернулась.

– Ну чего, Пуси? Ах ты мой, мягкий и пушистый зверек! – Она повернулась и закричала от ужаса. Перед ней был страшный зверь с хвостом. Острым, как гильотина.

– Русалка! – в ужасе закричали этапницы. Они не стали разбегаться по разным углам. Не бросились к выходу, чтобы спастись. Они стояли, как замороженные. И ждали, что будет дальше.

Русалка подошла вплотную к Каменщику, приподняла ей немного подбородок, и сказала:

– Стой так.

Каменщик, сглотнув слюну, все-таки спросила:

– Ждать, когда вылетит птичка?

– Это будет фото, – сказала облегченно Орхидея.

А Лютик добавила:

– Фотография на память. Называется:

– Этапницы перед самоваром. – В том смысле, что моются, причесываются перед тем, как сесть за большой общий стол, и выпить чаю с Красной Шапочкой и Мишкой на Севере.

– И бреются, – добавила Русалка в оранжевой майке. Она взмахнула острым, как лезвие бритвы хвостом, и быстрыми движениями обрезала всю одежду на Каменщике. И майка, и трусы – всё спало с огромной волосатой молотобойщицы. – Руки! – громко крикнула Русалка.

Каменщик подняла руки вверх, как будто долговязый немец, сдающийся на Омахе двум бойцам из отряда Райана.

Некоторые даже решили пошутить:

– Ты подмылся?

Хвост засвистел над головой волосатой дамы, и за несколько секунд обрил все ее тело. Даже голову. Далее, все удивились: Каменщик упала перед Русалкой на колени и попросила прощения. Потом сказала:

– Будь моим Крестным Отцом. Прошу прощения, я хотела сказать Матерью. Крестной Матерью. Дайте мне новое имя.

Русалка задумалась, и со всех сторон стали слышны под-сказки:

– Роза, Лампочка, Электрик, Шнурок, Вилка, Батарея па-

рового отопления, и так далее, и тому подобное, вплоть до Совковой Лопаты и Отбойного Молотка. Ничего другого в голову не лезло. В конце концов, назвали:

– Розетка. – Не от имени Розы Люксембург и имени Клары Цеткин, а от розовой ветки. Можно было подумать, что ветка ведет свое основание от венца. Как в песне:

– В белом венчике из роз впереди Иисус Христос. –
А можно и от веника.

А ее подсобниц оставили в том же состоянии Орхидеи и Лютика.

Некоторые от радости тут же попытались называть бывшего Каменщика Розовым Веником. И действительно, она была похожа на розовую свинью, на розового поросеночка больших размеров. После бритья кожа ее была похожа на закатное солнце на Сопках Манчжурии. Правда, веника не было. Он лежал на полу, около ее ног, сбритым острым, как гильотина хвостом Русалки. Кто-то даже хотел успокоить Розетку. Мол, не плачь, до свадьбы отрастет. Но тут начали выдавать ласты. И началось.

– Что это еще за ласты?

– Кому они нужны!

– Зачем?

– Мы не будем надевать ласты.

– Прекратите балаган! – раздался резкий голос. Это вер-

нулась Люда. Имя, как уже было сказано, никому неизвестное. Не только окружающему контингенту, но и ей самой. – Быстро получить всем ласты, надеть, и пойдете смотреть ваше будущее место работы. Бригадир уже ждет. – Тут она обратила внимание на Русалку.

– Кто это? – спросила она, ни к кому не обращаясь. Надо сказать, что у Русалки хвоста уже не было видно. И некоторые даже забыли, что видели его. Это была просто ничем не примечательная девушка, кроме разве того, что была красива, как мамочка. Даже подумать было нельзя, что она могла кого-то обрить хвостом. А уже тем более было непонятно, как она может заниматься сексом. С таким-то правильным, как у куклы лицом. Она и картошку не может почистить. Плакать будет, а не сможет. А картошку здесь, между прочим, посылали чистить. Всех по очереди. Как в пионерлагере. Лагерь – он и в Африке лагерь. – Мы знакомы?

– Нет, спасибо, – ответила Русалка.

– Что, простите?

– Я имею в виду, вряд ли знакомы.

– А-а! – И тут Лайза увидела бывшую Каменщицу. Точнее, Каменщика. Она даже подпрыгнула от испуга.

– Вы побрились? – только и могла спросить она.

Алексей уже начал пить чай, когда увидел, что все надели ласты на ноги, и в таком виде, как гуси, двинулись к выходу.

– Разве ласты сразу надевают на ноги? – удивленно спро-

сил он Лайзу. Она как раз присела на стул рядом, и взяла в рот Мишку на Севере. Лайза оглянулась, схватилась руками за голову, потом рывкнула:

– Кто вам сказал, что нужно надеть ласты? Алексей, ты?

– Ты нам сказала, Лайза, – ответила, обернувшись, одна девушка по имени Лужайка.

– Я?! – Лайза показала пальцем себе на грудь. – Я сказала надеть? Да, я сказала, чтобы вы надели ласты. Так не на ноги же, а на шею. Повесили на шею! Вы, че, в натуре, балаган здесь устроили. Ты представляешь, – обратилась она к Алексею, – они собрались по дороге идти в ластах.

– Да?

– А ты не обратил внимания?

– А должен был?

Наконец, бригадир по имени Подсолнух повела всех к водоему.

Здесь добывали Зеленый Лёд. А именно: всем известные изумруды. Натуральные природные изумруды. Ими было выложено и дно реки, и берега. Точнее берега были изумрудными раньше, давно. И даже под водой на стенах уже почти не было изумрудного слоя. Так, осталось немного. Метр или полтора кое-где. Дно было сплошь покрытого Зеленым Льдом. Как каток. Самая маленькая глубина в этой реке была пять метров. А так, обычно, десять, а кое-где и двадцать. Возможно, было и больше, но никто такие глубины

еще не проверял. Сейчас добывали этот драгоценный камень с глубины десять метров в основном. Почему? Пятиметровый слой был заморожен. Кто-то его купил. Но решил пока не добывать. Скорее всего, ждал падения пошлин на вывоз изумрудов в Англию. А куда? Все живут в Англии. Все хотят в Англию. Все любят дождь. Как говорится:

И снег, и ветер,
И звезд ночной полет.

У нас это любят герои. А там, оказывается, все. В том числе и наши эмигранты. Только бы не здесь, а и дождь не помеха, и ветер нравится, и хоть звезд не видно, а все равно хорошо. Почему так? Ответ простой. Для этого в Англии существуют две вещи, которых здесь нет. Это, во-первых, собаки, которых пускают в пивные бары вместе с хозяевами. Будь это хоть дог. Огромный симпатичный дог. Если он встанет на ноги – будет выше вас. Так смешно щекочет своими зубами уши! Ой! Во-вторых, маленькое расстояние между барами. Можно перебежать из одного бара в другой в дождь, не замочившись. И всё! Вроде бы так просто, а вы уже в Англии.

Здесь тоже была своя маленькая Англия. Но только для передовиков производства! Выполнили план, можете снять со своего безналичного счета несколько фунтов, и пройти

в Зону Лондона. Вместе с собакой. Догов тоже могли держать только передовики производства. Стаффордширских терьеров тоже. Остальных собак и кошек могли держать все. Можно подумать, что это Зона для блатных. Нет, так как отсюда, как из Ада, не было возврата, что и было написано на воротах:

Изумруды на всю оставшуюся жизнь

По Фоменко. На всю оставшуюся жизнь.

Бригадир Подсолнух сразу назначила звеньевой Розетку. А ее помощницами Орхидею и Лютика. Как будто знала, что Розетка, хоть и обритая, но имеет большой авторитет среди этапниц. А также и то, что Орхидея и Лютик ее Подсобницы. Точнее, теперь уже просто пособницы. Ведь она уже не была Каменщиком.

Подсолнух сказала, что покинет на время новоприбывших.

– Осваивайтесь пока, я скоро буду, – сказала она, и скрылась.

Розетка прошлась по берегу, спела:

– Но помнят все девчата: имела я большой авторитет, – и приказала всем прыгать в воду. Многие забыли даже надеть ласты.

– А как же Русалка? – спросит вдумчивый читатель. – Про нее уже забыли? – Нет, друзья, нет. Русалки здесь не было.

Ее сразу вызвали в кабинет к Председателю.

Русалка подошла к двери, где было написано, что внутри должен быть Председатель. Но его не было. У двери толпились Зам по КА и Зам по ЭР.

– Вам чего? – спросил режимник. Главным его делом здесь было не дать рыбам вспомнить, что когда-то и они были рыбаками.

– Вы зачем сюда пришли? – добавил культуролог. Его главным делом было воспитывать в рыбах сознание того, что они рыбы. Почти то же самое, что и в первом случае. Точнее, одно и то же. И это не плохо. Как говорил Аристотель рабам:

– Половина достоинств у вас осталось.

– А именно? Ну, в данном конкретном случае? – спросила Русалка.

– Что общего у нас осталось? Это река. Как говорится, река – там рыба. А рыбак на берегу.

– Задачи-то у нас общие, – сказал недавно ПР. Председатель.

Люди попадают на новое место. И им хочется чего-то нового. Это естественно. Но совсем забыть старое тоже страшно. Это все равно, что с радостью прыгнуть в воду, не умея плавать. Поэтому новые имена, чем-то все-таки напоминали старую жизнь. Как и все остальное. Половина старого – половина нового. Примерно, как в теории Стакана Воды Коллонтай. Что было до семнадцатого года?

Кулаки и их детки трахали всю деревню чаще, чем это даже делается в городе. Простым людям практически ничего не оставалось. Почему спрашивается? Представьте, что вы пошли с девушкой в кино. Можно сказать, что сегодня вы встретились, а завтра уже разойдетесь навсегда. Она абитуриентка, а вы уже давно студент. Она уедет, а вы так и останетесь здесь. Почему она уедет? Так все абитуриенты уезжают. Никто не становится студенткой или студентом. Как правило, все проваливаются. И вот после кино вы сидите на лавочке и разговариваете о логическом языке природы. Она говорит:

- Широкие бедра – значит, я хочу много детей.
- Когда? – спрашиваете вы. Нет, лучше: я.
- Ну, в принципе.
- А как насчет того, чтобы сейчас потренироваться? – Она может обидеться в ответ на такое предложение.

– Зачем тренироваться? Природа заложила в нас это умение на подсознательном уровне.

– А хотелось бы сознательно. – Она глубоко задумается. А мне будет ясно, что ответа она не найдет. Она ведь только абитуриентка. Доктора и то не понимают толком, как это делать.

А вот если бы эта девушка была в деревне до семнадцатого года с наглым сыном кулака, все было бы. уже сейчас,

а не в принципиальном будущем. Она бы сказала:

– В принципе можно попробовать и сейчас.

– Что? Вас не понял, прошу повторить.

– Это я не вам, – говорит девушка. Девушка, которая не подготовила для поступления в университет Теорию Стакана Воды. Теорию равенства всех пред сексом. Это означает, если девушка призналась себе, что в ситуации до семнадцатого года в деревне она сказала бы:

– Широкие бедра означают, что я не могу отказать вам, так как сама Природа этого хочет, – то, как сексуально честный человек, не могу отказать и вам. Прошу вас! Природа сама говорит за себя.

И хотя я больше никогда не увижусь с ней, мы не только целуемся, но обязательно и натурально трахаемся. Также просто, как объяснить ей взятие интересного интеграла. Или как будто выпиваем на двоих стакан воды. Не Хеннесси замечьте. Почему? потому что это была бы уже проституция. Хотя недорогое вино из Балатона допустимо. Ведь мы не в деревне на самом деле. Сходить недалеко.

Тоже самое справедливо и в атаке XX хромосомы против ХУ. Ребята ведь часто стесняются предложить девушке даже поцелуй. А предложить стакан воды можно даже больному. Графиня вон соблазнила Хемингуэя, когда он после боя лежал раненый в госпитале. Была бы вода рядом, а так

нет никаких проблем. А если нет, то зачем мы и брали Зимний? Не надо было и мучиться. Некоторые говорят, что никто и не брал Зимний. Да? Ну, вот вам и результат: все друг друга боятся. И девушки парней, и парни девушек. Похоже, что до семнадцатого года детей делали только графы да кулаки. Остальные стыдливо смотрели. Недаром у Кирилы Петровича Троекурова все дворовые были похожи на него самого. А в деревне, соответственно, все были похожи на кулаков. Не зря в тундру ссылали целыми деревнями.

Здесь теория Клары Цеткин, Розы Люксембург и Александры Коллонтай работала. Как честный человек никто не мог никому отказать. Но только с кем тут выяснять отношения? Все ребята за забором. Секс заменяла производительность труда. Но не все это сразу понимали. Приходилось объяснять. И Русалка услышала:

– Вы по поводу развлечений? – спросил КА,

– Нет, думаю, что нет, – ответила она.

– Может быть, вы не поняли? – спросил ЭР. – На первом году у нас режим. Как в пионерлагере. Наслаждаться можно только работой.

– Этот плакат про простоту простого Стакана Воды только для второгодников, – сказал КА. Но добавил: – Правда, в качестве поощрения на праздники существует секс Второго Рода. Вы не в курсе, что как это делать? Я вам объяс-

ню. Можно смотреть. Нет, не поглядывать, как кто-то из старослужащих трахается на свиданке. Порно здесь запрещено, разумеется. Одна девушка по имени Тридцатая – с этапом она пришла под именем Марина – недавно открыла секс Второго Рода. Это смотреть за работой других. Например, смотреть, как красят ворота КПП. Вы понимаете? Сначала может не получиться. И у нас сначала не получалось. Но, в конце концов, из ста человек, участвовавших в эксперименте, шестьдесят семь пришли к удовлетворительному результату. Ее даже чуть не освободили досрочно. Хорошо, что вовремя пришло указание о пожизненном запрете досрочного освобождения. А так писала бы уже эта Тридцатая свои теории где-нибудь в Японии. Так сказать, для самураев. Как Последний Самурай. Как Том Круз. Вы согласны?

– О. господи! Да отстаньте вы от меня! Меня просто вызвали и все. Один секс у всех на уме. Делать вам, что ли, больше нечего?

Ребята угрюмо замолчали. Не успели они придумать, что-то новенькое, как появился сам ПР.

– Ну, как? – весело спросил он, открывая дверь огромным, почти амбарным ключом. – Теорию Чистой Воды уже прослушали?

– Я? Нет!

– Ну, хорошо, хорошо. Я звал тебя и рад, что вижу.

Глава третья. Амба

– По пятьдесят?

– Что?

– А что?

– По сто пятьдесят!

– А вы в курсе, что это сразу шесть американских порций?

– Нет, нет, мне еще работать. Только пятьдесят. Да и то я

пока что выпью половину.

– Но вы допьете?

– Разумеется. Во втором перерыве.

– У тебя кровь. Это, что, рассечение?

– Нет, не думаю.

– А что это? Просто вытекает излишняя кровь?

– Думаю, вы правы.

– Прав?

– Да. Но не совсем. Я вчера столько выпила, что сегодня

излишки выходят через все щели.

Раздался гонг.

– Второй раунд, – сказал судья, который здесь в ресторанном ринге находился в ауте. А именно: не на ринге, а за ним. И да: здесь не было ни тренеров, ни секундантов. Как у Дауни Младшего. Боксер сам составлял себе план боя на каждый раунд. В уме. Впрочем, тренер мог здесь находиться.

Но только за столиком, или за стойкой бара.

Это был новый вид услуг. Вместо шеста с девушками, на сцене был ринг с девушками.

– Попробуйся сблизиться с ней. Давай, чего ты ждешь?! – Кто это говорит? А это говорит боксерша. Сама себе. Как в песне поется. Тихо, сам с собою, тихо, сам с собою. Я веду бесе-е-ду. – Победишь! – И вдруг ее прошиб холодный пот. – Забыла! Я забыла, кто должен победить в этом бою.

Дело в том, что эта девушка по имени Аннушка работала в ресторане Амбассадор. По-русски просто Амба. Но сокращение сделали не для того, чтобы никто не забыл название ресторана даже по пьянке. А для того, чтобы представители Мишлен, проверяющие рестораны, имеющие две и больше звезд Мишлен, – не ходили сюда, и не расстраивали персонал. А че ходить? Амба – это не Амбассадор. Тараканов тут нет. Искать некого. Впрочем, тараканы были. Тут каждый владелец должен был метаться между СЭС и ЭКО. Первые были Против присутствия тараканов на кухне ресторана, вторые только За. Так как все штрафы недавно были отменены из-за высоких цен на нефть и природные изумруды на мировом рынке, то угождать приходилось обеим комиссиям. И санитарной, и экологической. Почему? Потому что штраф все-таки остался. Но в виде рудимента. Чья комиссия найдет нарушения, та и ужинает сегодня этот Амба. То есть бесплатно. А меньше пяти их не ходило. И, следовательно,

тараканов здесь не убивали, а ловили, как слонов в Африке, и помещали в отдельный аквариум с ячеистыми картонками от яиц. И поэтому здесь всегда было чисто и светло. Как на палубе катера, где подают холодные коктейли, всегда обернутые полотенцем.

Но не только это делалось для посетителей ресторана. Здесь был бокс. И, следовательно, здесь были боксерши. Ну, бокс-то, естественно, женский. И Аннушка была именно боксершей этого кабака. И как-то она уже два месяца работала бесплатно. За то, что проиграла. Тогда как по плану директора должна была выиграть. Это один месяц. А второй наоборот:

– Выиграла, а надо было проиграть. – Дело в том, что девушкам-боксершам не запрещалось подсаживаться к клиентам по их просьбе, разумеется, и пить. То, что предложат. Камю – так Камю. Мартель – так Мартель. Бианко – значит Бианко. А если кто предложит Хеннесси, то и Хеннесси, конечно. Пить боксершам было разрешено для веселья. Но не только. Эта услуга превращала бокс в интерактивное событие. Клиенты охотнее делали ставки на боксера, который только что стал им ближе. Так как пил с ними за одним столом. Это, во-первых. А во-вторых, пьяная дама в боксерских перчатках выглядело очень соблазнительно. И, в-третьих, сама драка была интересней. Она не нарочно, а есте-

ственно, была уже похожа не только на бокс, но и на шоу. Не надо было притворяться пьяной, как это обычно делают в цирке или на развлекательном ринге, где борцы просто придуриваются, что им больно, что они не ожидали, как сильно их бросят через бедро с захватом. Здесь все было по-честному. Все натурально. И самое главное, все это видели своими глазами. А так как все это видели сами, то можно было устраивать договорные матчи. Ибо:

– Честность и порождает вранье. – Без честности, как врать-то? Смысла не будет. Чему верить, если и так никто ни во что не верит? Поэтому надо, чтобы все сначала верили. И только потом их обманывать. И обманывать надо было людей знающих, бывших в курсе, на что способна та или иная боксерша. Ведь обычные гости ресторана делали небольшие ставки. По крайней мере, Ясную Поляну, или Преступление и Наказание, здесь бы никто не поставил. А поставили бы только специально пришедшие сюда люди. Люди Играющие. Некоторые уже, наверное, в курсе, что сейчас изобретен и сделан Аэробус, вмещающий почти тысячу пассажиров. И более, чем полтысячи, если самолет оборудован казино. В воздухе играть, наверное, интересней. Но посмотрим.

И многие попадались на эту удочку. Ну, в том смысле, что здесь все более-менее по-честному. Боксерши-то действительно были пьяные. Сам, как говорится, поил. А следова-

тельно, могли и не справиться с данной им установкой. Например, проиграть. Почему? Да, забудут просто! И они были правы. Аннушка сейчас, действительно забыла:

– Проиграть надо, или выиграть? Мама! Чё делать? Ведь в третий раз точно выгонят. Придется идти в дворники. Да нет, и то не возьмут! Там теперь все трезвенники. А бросить пить после ресторана сразу не получится.

Это первая приманка, что здесь дерутся по-честному. Вторая:

– Можно было выставить своего боксера! – И вот, чтобы противодействовать таким проискам конкурентов, директор ресторана приказал найти такую боксершу, которая могла бы выиграть, у кого угодно. И втайне ставить на ее победу, если ставка будет очень высокой. А в остальных случаях она будет то выигрывать, то проигрывать. И выглядеть, таким образом, обычной боксершей. Именно такой и была Аннушка. Раньше она выигрывала такие бои, которые не снились... ну, даже матери Сильвестра Сталлоне. Ее бы никогда не выгнали. Но недавно здесь появилась девушка, которая могла быть заменой Аннушке.

Аннушка опять села за стол к тем же клиентам. Они ее позвали на перерыв после третьего раунда. Здесь дрались по бразильской системе: четыре – два – четыре. Четыре раунда по четыре минуты. Два означает два подхода к столам. Третий перерыв боксер должен был сидеть на ринге.

Все должны были наблюдать ее на сцене. Некоторые думали, что два – это двухминутный перерыв. Не одна минута, как на Олимпийских играх, а две. Нет, два, как я уже сказала, это два раза за бой можно было подсесть к кому-нибудь за столик. А вот само время пребывания за столиком, как раз было тоже четыре минуты. В общем, запутать возможность была кого хочешь. Да и везде так. Вон в футболе, тоже когда-то было четыре, два, четыре. А теперь? Впереди играют то один, то два, и никогда три игрока. А ведь многие так и продолжают думать:

– У нас четыре – два – четыре. – Как в Бразилии. Нет, друзья мои, нет. Всё давно изменилось. И не только в городе, но и на Зоне. Там раньше вон... впрочем, не знаю, что там было раньше, может, там матрасы и наволочки шили, а сейчас добывают Зелёный Лёд. Да и сидели многие раньше не больше двадцати пяти лет. Сейчас уже никто не возвращается назад.

Далее, имя директора ресторана. А также имена тех, за чьим столом сидела Аннушка.

– Да дай ты ей слева! – кричали из-за стола, где только что сидела Аннушка. И кричали, естественно, ей. А с многих других столов кричали:

– Справа, справа дай ей! – Они кричали другой боксерше. Таких было больше. Почему? В прошлую пятницу эти гости как раз проиграли, сделав ставку на Аннушку. Теперь они

хотели мести. Многие, чтобы не забыть свою ставку, делали ее кратной счету за стол. Обычно говорили:

– Зубрик раз! – Значит ставка столько же, сколько стоят холодные закуски на столе. Официант просто автоматически удваивал в счете стоимость. Или:

– Карский два!! – Означало ставку в размере двойной стоимости горячего.

– Фляки господарские!!! – Ставка равна всему счету, умноженному на три.

Кстати и фамилия владельца ресторана была Булгаков. Михаил Булгаков. Он и упростил систему ставок. Гость сразу понимал, сколько с него сегодня возьмут. А может, и не возьмут ничего. Более того, записать на ваш счет – счет на следующую пятницу. Вы придете, а уж все фазаны стоят на вашем столе. Были и такие, как Магомаев, придут, увидят накрытый стол, и говорят:

– Потрудитесь, пожалуйста, все убрать. И да:

– Теперь с новой строчки. Примите заказ. – Вот так сразу давали на чай свой предыдущий выигрыш. Молодцы. Но обычно такие жесты не превышали суммы в двести долларов. Самое большее – тысячи. При игре на большие деньги, деньгами никто не бросался. Больше всего директор боялся франта присвоившего себе легендарную фамилию:

– Грибоедов. – Этот Грибоедов так и сказал:

– Этот каба́к бу́дет но́сить моё ле́генса́рное и́мя.

– А и́менно? – спроси́л Бу́лгаков, не ре́шаясь, са́м озву́чить сво́ю дога́дку.

– Гри́боедов!

Ми́хаил со́брал по́чти все свои́ де́ньги, что́бы откры́ть э́тот ве́ликоле́пный каба́к. А э́тот Гри́боедов по́ пятни́цам де́лал ста́вку:

– На всё! – В пе́рвый-то ра́з о́фициант, при́нима́вший у́ него за́каз, не по́нял. Ре́шил у́точни́ть:

– Зу́брик ра́з! Ка́рский два!! Фля́ки го́спода́рские три!!! –
Всё́ сразу?!! – у́жасну́лся о́фициант.

– А че́ ты та́к пуга́ет, па́рень? – спроси́л Гри́б. Та́к обы́чно его́ зва́ли дру́зья и хо́рошие зна́комые.

– Счи́тать бу́дет сло́жно, – отве́тил о́фициант. – Я е́ще не о́кончи́л Моско́вский У́ниверси́тет.

– Че́, на́счет Би́нома не фу́рычи́шь?

– Ка-ка́кого Би́нома?

– А у́ нас два́ их, что́ ли? – ре́шил не у́дарить в́ грязь́ ли́цом Гри́б.

В о́бщем, ко́нчи́лось те́м, что о́фициант по́бежа́л к Ми́хаилу А́фана́сьевичу. Он са́м не мо́г при́нять та́кую ста́вку.

– Ка́кую и́менно? – спроси́л Бу́лгаков.

– Он ста́вит на всё, – отве́тил о́фициант Ви́тя.

– Про́шу про́щения, я не по́нял. Что́ значи́т: на́ всю́ еду́?

– Я ни́чего не го́вори́л про́ еду́.

– Да? А про что ты говорил?

– Гриб хочет поставить на весь ресторан.

И тогда в первый раз Михаил Афанасьевич схватился за сердце.

– Что? – ухмыльнулся Витя. – Все, что было нажито непосильным трудом, вы надеетесь проиграть в один день? – Михаил хотел схватиться и за голову, но Витя остановил его движение.

– Бог, – сказал он, – и то создал Землю и всех, кто на ней почти за неделю. Так что не беспокойтесь: сегодня вы не проиграете.

– Думаешь, придется помучиться всю неделю?

– Больше. Гриб приходит только по пятницам. Это значит, семь ю семь?.. Сорок два дня. В общем, считайте сорок дней. А там уж, извините, финита ля комедия. Придется вам покинуть нашу грешную Землю навсегда.

– Ты выходные не считал, что ли? – спросил Михаил, надеясь немного оттянуть время принятия решения. Но Витя тут же спросил, не вдаваясь в подробности долбицы умножения, как сказал бы Левша:

– Так мне, что ему ответить? Принять ставку?

– Чем он отвечает?

– Содомом?

– Чем?!

– Он открыл тоже, свой ресторан.

– Где? В спальном районе?

– Нет, здесь, недалеко.

– Недалеко от чего? От Шириной Горы?

– Недалеко от Метрополя.

– И ему разрешили назвать его:

– Содом!

– Есс! Но случайно. Он написал в заявке, что, мол, хочу, чтобы было, как в сказке. Если где-то есть Амба, то в другом месте должен быть Садор. Хотел даже:

– Ссадор. – Но в мэрии, как обычно, ничего не поняли, и написали:

– Разрешаем. Содом – И приписка: – Так как хорошо хоть не Геморрой.

– Ну, хорошо, хорошо, – сказал Михаил. – Ибо Амба и Содом – это действительно одно и то же. Будем играть.

И Булгаков выиграл. Гриб принес закладную. Для перевода в полную собственность попросил неделю. А через неделю, в следующую пятницу, отыгрался. Потом опять та же канитель. Потом Булгаков проиграл. Тоже выдал закладную, как когда-то Лев Толстой на Ясную Поляну, и тоже попросил неделю для переезда. Но в пятницу отыгрался.

Спрашивается:

– Почему Гриб выигрывал?

Почему он выигрывал, если у Михаила была Аннушка? А вот как раз потому, что эта самая Аннушка просто на просто забывала разлить масло. Вот начинала вспоминать в последнем раунде, что ей делать:

– Проиграть или выиграть? – И как назло делала все наоборот. Это один раз наоборот. А другой – просто отправила соперницу в нокаут уже в третьем раунде. Как будто никогда и не слышала о договорных матчах. Как будто по-настоящему, просто хотела победить.

Ей потом сказал Витя:

– Если ты забываешь что-то, то помни хотя бы, что ты пьяная. А если ты пьяная – значит все не по-настоящему.

– И что дальше? – спросила дама.

– Дальше? А дальше это означает, что не надо бездумно молотить своего соперника. А надо думать:

– Что у нас сегодня? Пятница? Значит, что я должна сделать? Проиграть, или выиграть?

– Ну, а как я вспомню, что мне надо сегодня делать? Выиграть надо, или проиграть?

– Очень просто, – ответил Витя, официант, – ты просто вспомни:

– Разлила ты уже масло?

– Или еще нет! – радостно воскликнула Аннушка. И добавила: – Хорошо придумано, умно.

Но сегодня она забыла и это. Разлила она уже масло, или нет.

– Не могу вспомнить, – сказала она, садясь за стол к тем же самым гостям.

– Что именно? – спросил один из них, по имени Вася Коломенский.

– Та ни чё. Впрочем, извольте. Более того: вот, как скажете, так и будет. Хотите, чтобы я сегодня выиграла?

– Я не хочу, – сказал Петя Таганский. – Я уже поставил на Зойку. На твоего противника.

– Я поставил на Аннушку, – сказал Лёва Сибирский. И добавил: – Хочу, чтобы она выиграла.

– Ну, а ты, Вася? – спросила Аннушка.

– Я всегда за тебя, дорогая, – сказал Коломенский.

– Ради тебя я обязательно выиграю, – облегченно вздохнула Аннушка. Ибо верила в предсказания. Она выпила рюмку Камю, и уже хотела встать, чтобы выйти на ринг, как услышал голос:

– А моё мнение ты узнать не хочешь? – Эта была женщина. И она только вошла. Лева и Петр встали, и отодвинули для дамы стул. Они уже хотели опять придвинуть стул к столу, чтобы на него без проблем, с удобством села дама, но она сказала:

– Я хочу, чтобы стул придвинул Вася.

Аннушка была шокирована. И не только уважением, выказанным даме ребятами, но самое главное ярким букетом

цветов, который леди держала в руках. Это были желтые, как солнце, орхидеи.

Боксерша встала.

– Вы желаете высказать свое пожелание? – спросила она.

– Пожелание? – переспросила дама. И представилась: – Марго. – Она подняла руку ладонью в сторону Аннушки, предупреждая излишние объяснения. – Я знаю, как вас зовут. Можете не представляться. И да:

– Я против.

Боксерша пошла к рингу в глубоком размышлении. Способ, который она только что придумала, не сработал. Как будто эта Марго нарочно уравнила шансы боксеров на победу. Что делать?

– Буду драться практически по-честному, – сказала Аннушка самой себе. Дело в том, что она хотела навсегда расстаться с боксом, и стать частным детективом. Более того:

– Если получится – адвокатом. – Как?! Образование-то хоть есть? Нет.

– Нет. А что есть?

– Просто чисто высшее образование.

– В принципе сегодня этого достаточно. Надо только найти помощника с работающей головой. Ведь в принципе-то адвокатов бродит по Москве, как собак... впрочем, собак уже нигде нет. Часть съели, часть Лужкин увез с собой в Австралию. Ибо:

– Псарня нужна, а кругом только эти... как их? Кенгуру. Ну, не знаю. Может, лучше содержать кенгуру? Оставил бы здесь собак. Пусть бы побирались, как раньше у метро и у входа в магазин. Нет, всё утащил с собой:

– И собак, и деньги, и жену. – И, между прочим, жену взял не из-за денег. Просто так любил. Ох, как любил! Ибо:

– Человек с деньгами – это Человек Счастливый. А Счастливый Человек может полюбить кого угодно. Даже свою бывшую жену. Почему бывшую? Ну, она все время на стройке, строит дома для бездомных, в банке, выдает деньги, не имеющим их, на стадионе, расставляет пластмассовые стулья для зрителей. Те-то, вчерашние, сломали уже, как водится. А он, как обычно, в мэрии. Руководит коррумпированными заместителями.

– Зачем? – спросил вдумчивый читатель. – Ведь если они уже коррумпированы, значит, и без него знают, что надо делать. Или иногда надо делать перекоррумпировку? Вполне возможно.

И вот теперь они, наконец, вместе. Живут – не тужат, ходят с собаками на охоту, как раньше делали только короли. Карлы там, Георги, Генрихи и Людовики. Упрек справедливый. И не в том дело, что непонятно, зачем ходить на охоту, если есть овчарня. Свои собственные, так сказать, бараны. Просто все действительно должно иметь соответствующую

щее положению название. Людям ведь не зря давали, дают, и будут давать имена. Хотя, кажется, было бы намного проще называть их просто:

– Первый, второй, третий. – И так далее. В Индии так и делают. По крайней мере, раньше точно делали. Например, одну прекрасную девушку звали:

– Фрау четыреста двенадцать. – Помните:

Я в японских ботинках!

Разрисована-а..., как картинка!

В русской шляпе большо-й!

И... и с индийскою душо-й.

Я в носках американских!

В узких брюках я британских!

Этот второй куплет уже играл местный джазбанд. Так сказать, урезал марш по просьбе зрителей. Не дал нам досказать, что Лужкин дал объявление в местную австралийскую газету по поводу того, что в ближайшем будущем примет имя... нет, не бывшего царя, разумеется, а что-то новенькое. Как-то:

– Среднее арифметическое между Кайзером и Людовиком. – И добавлено: – Скорее всего, это будет новый Людовик Девятнадцатый.

Думаю, зря. Ибо у французов на каждого Людовика найдется своя гильотина. Впрочем, дело было... нет, не в Пенькове на этот раз. Дело-то уже в Австралии. Но и там, далеко, за синими морями, аборигены, как говорится:

— Практически съели Кука. — Но некоторым, никакая наука не указ. Хочу иметь Роллс Ройс старинного производства, Титул и Жену — миллиардершу.

Но не в нашем случае. Здесь никто ничего не просит. И не думает, что ему всё это и так дадут. Он мичуринец. И взял всё это добро своими собственными руками. Не под Интернационал, разумеется, а под любимую песню:

Дорогая моя Столица!
Золотая моя, Москва!

— Эх, нам бы в Москву-то!

Музыка резко оборвалась. Бой начался. Точнее, последний раунд.

— Подойди к ней поближе. Ближе, я тебе говорю. Еще ближе! — как обычно сказала Аннушка себе. Она, как я уже говорила, научилась этому у Шерлока Холма, в том смысле, что у Дауни Младшего, который рассказал, что когда-то давно именно так делал Шерлок Холмс. И оказалось, что это не бессмысленная шутка. Сейчас уже есть экспериментальные компьютеры, работающие от внушения. Человек просто говорит, говорит самому себе, чего хочет. Ну, как обычно:

– Стой там! Иди сюда! – И так далее. И это работает. Аннушка тоже сказала себе:

– Хочу победить. – И:

– Правой по корпусу. Хук левой, хук правой! Удар в солнечное сплетение! Апперкот! – И Зойка вылетела за канаты. В порыве гнева она вроде хотела опять пролезть назад в ринг, но не смогла зацепиться за канаты. Повисела так пару секунд, и упала на первый ряд зрителей. Сломала при этом падении, между прочим, не один, а два стола.

Что тут началось! И не в сказке сказать! Оказывается, многие знали о ставке Михаила и Гриба. Более того, знали, что при выигрыше Аннушки Булгаков теряет свой знаменитый ресторан. В этот день он должен был отыграться. Грибоедов поставил на победу Аннушки, а Булгаков на Зойку, на проигрыш Аннушки. Но, Аннушка, все-таки умудрилась забыть, что должна была сегодня проиграть.

– Ты что наделала, дура? – мягко спросил Миша. – Где ты теперь будешь работать? Нигде! И знаешь почему? Есть и другие боксеры. Кроме тебя. Теперь они будут здесь рубить бабло.

– А я?

– А ты будешь работать тоже здесь. И знаешь почему? Ибо долги надо отрабатывать.

– И кем я буду работать? Менеджером?

– Х... Нет, дворником.

– Дворником я никогда не отработаю много денег.

– За всю оставшуюся жизнь отработаешь.

– Ну, а вам-то что колотиться? Вы ведь все равно проиграли этот московский кабак.

– Нет, моя дорогая, нет, – радостно потер руки Михаил. – Ибо...

– Что ибо? – не поняла девушка. – Что вы будете ставить? Я думала, вы проиграли всё, что у вас было последнего. Более того, остались должны.

– Это верно. Но Грибуля согласился еще на один бой. Точнее, на два боя. В первом я должен отыграть свой долг. Во втором – выиграть свой кабак. Разумеется, если я одержу победу в первом.

– Я так и не поняла, что вы будете ставить?

– Вас. Тебя, моя дорогая.

– Да? Я стою так дорого? – Аннушка сразу села в кресло у стола и попросила налить ей что-нибудь, добавив: – Лучше Хеннесси.

– Х... Впрочем, если хочешь, я скажу, чтобы тебе принесли Мартини Бианко.

– Сам его пей. И да: с таким к себе отношением, я драться не буду.

– Так и не надо! – сказал Михаил радостно. – И знаешь почему? Ты больше не боксерша моего ресторана. Всё! С меня

хватит твоих выкрутасов. Ты – просто ставка. Уж не знаю, зачем ты ему понадобилась, но Грибоедов согласился принять тебя в качестве моей ставки за долги. Или ты против? Это ведь ты проиграла. Хотя мы договаривались, что ты проигрываешь. Проигрываешь этот бой. Ты поняла, что я ставил на твой проигрыш? Ты помнишь наш договор? Или тебе показать официальную бумагу?

– Нет, нет, теперь я вспомнила.

– Всё вспомнила?

– Кажется.

– Значит, ты помнишь, что в случае твоей победы, ты поступаешь в полное мое распоряжение. Вплоть до того, что...

– Что? Вы хотите на мне жениться?

– Я бы женился, если бы ты не пила так много. Но теперь это уже в другой жизни. Сейчас ты просто моя собственность. Моя Надежда.

– Более того: твоя последняя Надежда. И знаешь, я не против. Не хочу быть причиной твоего несчастья. Прости. Я забыла, что должна проиграть.

– Сегодня какое? – спросила Аннушка. Она сидела за одним столом с Грибоедовым. Так они договорились с владельцем ресторана Амба Булгаковым.

– Так мне легче будет забрать выигрыш, – сказал Грибоедов.

– Я не против. Можете даже нарядить ее тортом, – сказал Булгаков.

– Зачем?

– Вы будете смотреть на нее, и, еще не выиграв, радоваться. Ведь приз, который находится еще только в будущем, который вы еще только должны получить, уже рядом с вами, за одним столом. Как торт, перевязанный ленточкой. – Она и выглядела, как торт. Прага. Грибоедов так и обращался к ней. Натурально, без смеха:

– Прага. – Точнее, Прага со сливками. Ибо снизу, а именно ее тело было коричневым, как у негра, а сверху белая. В белом платье, как невеста, приготовленная к свадьбе. С рюмкой пока что Мартеля в руке. В случае победы своей боксерши Грибоедов обещал Хеннесси. Точнее, Хеннесси в результате окончательной победы. А именно, после второго боя. А сегодня Камю. Матовая бутылка с большой печатью. Я пила, ничего особенного. Хотя не исключено, что это была подделка.

Сегодня нельзя было запутаться:

– Выигрывать надо или проигрывать? – Ибо Грибоедов выставил свою боксершу, а Афанасьевич свою. И это была... Это была дама с желтыми орхидеями. Это была Марго.

– Ужас, – сказала Прага – так ее пока что называл Грибоедов.

– Да?

– Нет.

– В чем да, и в чем нет?

– Она похожа на Анну Каренину.

– А в чем нет?

– Она никогда не бросится под поезд.

– Почему?

– У нее семь детей. Кто их будет водить в детский сад, спрашивается?

– У Анны Карениной был только один ребенок. Кажется, его звали Алексей.

– Ну, она-то выглядит, как будто у нее детей намного больше. Я даже не уверена, что она хоть когда-нибудь видела боксерские перчатки. Ее сейчас избыют до полусмерти. Кстати, кто у нас там?

– У нас?

– Хорошо, у вас. Если вы не считаете меня своей – дело ваше. Проиграете.

И вышла неизвестная Михаилу боксерша.

– Кто это? – спросил он метрдотеля. Его звали Берлиоз. Почему? Другие имена Афанасьевичу не нравились. Да он и не мог их запомнить. Говорил, бывало:

– Ты, как тебя, Степа, сколько сегодня заказов на вечер?

Или:

– Поди-ка сюда, Римский, я тя сейчас научу считать бабло.

А Берлиоз почему-то ему запомнился. В принципе запомнить нетрудно, если вы знаете, что был Бетховен. Вспоминаете:

– Бетховен! – Есть такой большой, добрый лохматых пес.

А этот лысый. И делаете логичный вывод:

– Значит, это Берлиоз.

– Я не звал ее, и тем более, впервые вижу.

– Так узнайте. Что за народ. Никой любознательности.

– Любопытной Варваре вон... вы знаете, что сделали?

– Что? Отрезали голову трамваем?

– Простите меня, Миша, но вы же ж знаете, что я таких шуток не люблю. Впрочем, если хотите, я узнаю.

И скоро Берлиоз сообщил:

– Это русская эмигрантка. Победительница чемпионата Америки прошлого года. Имя... – метр полистал блокнот: – Черная Мамба.

– Неужели всё так серьезно? – нервно улыбнулся Михаил. – Черных Мамб не бывает.

– Может и не бывает, – сказал Берлиоз, – но сегодня одна есть.

– Я с ней справлюсь, – сказала Марго.

– Ты уверена? А то, может, не надо. Ибо я могу потерять не только этот кабак, но и тебя. Май либе дих.

– У тебя ужасный акцент, мой сладкий. Я пойду на ринг.

Время уже на исходе.

Она вышла в изумрудном халате с букетом желтых орхидей. Черная Мамба вышла в черно-сером халате с красной мордой змеи на спине и на руках.

Бой начался.

– Прижми подбородок, – помогал размышлять своей боксерше Грибоедов. – Обходи ее.

– Проведи ей серию, – говорил Марго Афанасич. – Вес на правой ноге – бей левой! Вес левой ноге – бей правой! Проведи серию, – повторил Булгаков. – Представь себе, что колешь лёд пестиком.

– Ноги не должны выходить за линию плеч! – орал Гриб. – Бей ее до тех пор, пока не поймешь, что победила.

В принципе, что здесь странного? Каждый кричит именно то, чего он так давно хотел сказать.

Боксершам не разрешили пить после первого раунда. Да они и не привыкли. Просто наслушались, что здесь так принято, что здесь так обычно делается, и тоже потянулись к рюмкам. Только Грибоедов сказал:

– Меня не интересует, что здесь происходит обычно. Пить нельзя. – И Миша, глядя на него, запретил пить Марго. Хотя и услышал в ответ:

– В ресторанах не бывает запретов.

Марго удивила всех. Она продержалась до четвертого раунда. Она несколько раз вылетала за канаты, но каждый раз

успевала заползти назад, пока судья считал до десяти.

Перед четвертым раундов Гриб даже разрешил Черной Мамбе выпить. Но услышал в ответ:

– Я не пью.

– Не стесняйся, чего ты? Считай, что мы уже выиграли. – Однако эта боксерша была непоколебима. Может, для кого-то это покажется удивительным. А все просто. Это только здесь забыли, что боксерские бои проводятся не только в ресторанах. Это же спорт, в конце концов. А вино со спортом не совместимо. Даже если это виски или коньяк. По крайней мере, во время самого боя.

Михаил заглянул в блокнот и прочитал:

– Не опускай левую. Не опускай левую, – я тебе сказал!

Грибоедов, между прочим, тоже открыл маленький блокнот. Он прочитал:

– У нее открыто лицо. Почему ты не бьешь в лицо. – Я тебя спрашиваю?!

– Помни о самозащите!

– Обойди ее справа.

– Обойди ее слева.

– Правой по корпусу. Я тебе сколько раз говорил: правой по корпусу.

Глава четвертая. Наследница

– Проведи ты ей, в конце концов, удар Лемана. – Мама! Это слово прозвучало. Одна девушка за столом нервно дернула рукой, и рюмка с водкой упала. Упала прямо на пол. Витя обслуживал и этот стол. Он не стал вызывать уборщицу, сам протер салфеткой пол у ног красавицы, вымыл руки и принес даме новую рюмку.

– Не прошло и часа, как вы всё быстро сделали, – сказала девушка.

– Это было долго? – спросил Витя. – Я с вами не согласен. И знаете почему? Бой на ринге еще продолжается. А это последний раунд, и он еще продолжается. И да: разрешите налить коньяку?

– Я сегодня пью только водку.

– Мне.

– Что?

– Налейте мне коньяку,

– Вам? Но у меня нет коньяка.

– Я найду, вы только закажите.

– Ну, окей. Сто хватит?

– Сто пятьдесят.

– Может быть, тогда уже двести?

– Спасибо.

– Но только не французский. Пять звезд вас утроит?

– Это как раз то, что мне нужно.

Крик ужаса прервал их задушевный разговор. Это закричал, как ужаленный Грибоедов. Черная Мамба упала и не могла встать. Судья еще не досчитал до десяти, и она продолжала попытки подняться выше. Два раза она уже пробовала, но не получилось. Один раз ей удалось поставить ногу на ринг, но вторая сорвалась, и Черная Мамба, поняв, что таким образом не встанет, поползла к канатам. Но и этот второй раз был неудачным. Она добралась до второго каната, но опять рухнула на пол. Было еще время для третьей попытки. Судья продолжал считать:

– Шесть, семь... – Он каждый раз делал резкую, но не спешную отмашку рукой, сгибаясь прямо к телу боксерши. Вероятно, хотел, чтобы она не только умом, но сердцем уразумела:

– Времени осталось совсем мало.

И в третий раз она поняла, что не сможет еще раз поползти до канатов, а с колен уже самостоятельно не подняться. Тогда боксерша зацепилась за белые брюки судьи. Потом за ремень. Некоторые в зале ахнули. Одна дама даже спросила:

– Это что, стриптиз? Или как-то по-другому называется? – Разумеется, Черная Мамба не собиралась ни с кого снимать брюки, тем более с судьи. Более того: она даже не думала об этом. Тем не менее, ремень на брюках у судьи по-

чему-то расстегнулся, и они упали. Ничего страшного, ибо судьи никогда не ходят в одних брюках. Внизу всегда находится спортивная форма. Однако, голоса:

– Ай! – И:

– Ой, – раздались. Более того, сам Афанасич даже крикнул:

– Меняю судью на импортный шампунь! – В том смысле, что не надо помогать спортсменке, не надо подсуживать. – Где возьму? В Березке.

Уж полетели пуговицы на такой же белой, как брюки рубашке, а боксерша все еще продолжала карабкаться вверх.

– Сучка, – сказала Марго. И добавила: – Запомни, что после удара Лемана еще никто не вставал.

– После этих слов судья сказал:

– Десять, – и Мамба упала к его ногам.

Судья, не торопясь, оделся и поднял руку Марго.

Грибоедов был не доволен. Он сказал:

– Че-то здесь не то. Как она могла проиграть этой королеве? Я не понимаю. – В принципе ничего страшного. Все так говорят. Но его услышала Марго. Она спустилась со сцены, подошла к столу, где сидел этот богатый парень, и сделала предьяву:

– Сто тысяч.

– Вам в долларах, в этих, как их, евро, или в это время дня вы предпочитаете какую-нибудь другую валюту мира?

– Я люблю рубли, – сказала девушка.

– Рубли? Отлично, – обрадовался Гриб. – Получите, –

И тут же отсчитал деньги.

– Ты че так быстро расплатился? – спросила Аннушка. – Испугался, что она передумает, и захочет взять фунтами стерлингов? – И не дожидаясь ответа, добавила: – Между прочим, я тоже люблю рубли.

– Хочешь, я и тебе дам сто тысяч? – спросил Гриб.

– Давай. – И он отсчитал еще сто тысяч рублей. – Я пойду?

– Куда?

– Ты меня проиграл.

– Только половину. Тебе придется побыть со мной до следующей пятницы. – Тут Афанасич крикнул со своего стола:

– Предлагаю провести второй бой сейчас. Или хотя бы завтра. – И добавил: – Или ваша Черная Мамба не в состоянии... в том смысле, что не в состоянии сейчас провести еще один бой? – И он радостно засмеялся.

Из-за столов начали кричать:

– Хотим еще боксу!

– Мы ждем продолжения банкета! – А при чем здесь, собственно, банкет?

– А по пятницам всегда было два боя!

– Ответьте людям, – сказала Аннушка. И добавила: – Народ просит.

– Это еще не мой ресторан, – ответил Гриб. – Пусть думает тот, у кого голова большая. – И он указал на Мишу Булгакова.

Афанасич растерялся. Он и забыл с нервами, что могут потребовать еще один бой. В ресторане было четыре боксерши: Зойка, Марго, Черная Мамба, Аннушка. Кто-то из них должен был выступить еще раз. Аннушка была пьяная. На нее нельзя было рассчитывать. Тем не менее, она первая полезла на ринг.

– И знаете почему? – обратилась она к публике со сцены. – Мне нужны деньги. – А Гриб и Миша уже объявили, что победитель получит пятнадцать процентов от ставки. Програвшая – пять. Сколько ставка, пока еще никто не знал. Но вот судья объявил:

– Пять миллионов!

Тут же стали ставить другие гости ресторана. На кого только? Вот в чем вопрос. Никто не знал. Ставили, как в рулетке: наугад. Кто на красное, кто на черное. И боксерши поднялись на ринг именно в таких халатах, и такой же, соответствующей халатам форме. Это были:

Далее, представление, например:

– Она любит футбол и ванну с еловой пеной.

Это были:

– Зойка и Неизвестная. Оказалось, здесь была еще одна боксерша. Но ее никто не знал. Кроме официанта Виктора.

Именно она разбила рюмку водку, а он вытирал эту водку у ее ног. — Эта последняя сказала, чтобы ее объявили, как:

— Лишенная наследства. — Многие ничего не поняли. Некоторые ахнули.

— Мне это напоминает Вальтера, — первым опомнился Миша. И добавил: — Нашего Скота. — И обратился к Берлиозу: — Я на кого поставил?

— На Зойку, естественно, — ответил метрдотель.

— Сколько?

— Всё, что было.

— Что значит — всё, что было?

— Всё, что было нажито непосильным трудом.

— Ага. Значит, что-то еще осталось. — Ибо: не все же было нажито непосильным трудом. Что-то досталось легко. Как Манна Небесная евреям. Что означало:

— Довольствуйся легкой победой!

— У меня плохое предчувствие, — сказал он Марго, которая уже в бальном платье сидела рядом. — Надо было выступать тебе.

— Я устала, любимый. Ты в курсе, что значит, провести удар Лемана?

— Что?

— Это то же самое, как лазить по звездам и стирать с них пыль.

— Звездную пыль? — решил уточнить парень.

– Разумеется.

– И это трудно?

– Разумеется. Ты протирали когда-нибудь лампочки? Так вот это еще труднее. Также трудно, как лечить туберкулез. Кох открыл свою палочку когда? Давно. А толку? Никакого. Оказалось, что многим палочкам по барабану все враждебные атаки. И более того, пока их определишь, проходит еще два месяца. За это время человек, больной туберкулезом, заражает еще десяток людей. Многие даже не знают, как пользоваться лекарствами. А как их обучишь? Вон до сих пор яблоки не могут выращивать, чтобы их могли есть люди. Так – слово на букву х – какая-то для скота да для барматухи. А ведь все известно, сколько в них должно быть сахара, а сколько кислоты. Люди не умеют хранить даже капусту и морковь. А тут:

– Туберкулез! – Это очень трудно. Хотя вроде бы всё ясно. Между прочим, я думала, что его давно вылечили.

теперь мне ясно – нет.

– Неужели провести удар Лемана так же трудно, как вылечить туберкулез? – удивился Булгаков, и даже записал это в маленький блокнот.

– Тому, кто делает это часто, может, и нет. Но я думала, что уже забыла его.

– До завтра ты сможешь восстановиться?

– До пятницы? – переспросила Марго.

– Не до пятницы. Я хотел завтра закончить это дело.

– побыстрее хочется стать богатым?

– Разве я уже им не был?

– Тогда еще хуже. Хочется все вернуть, чтобы...

– Чтобы?

– Чтобы опять проиграть!

– Значит, завтра ты выступать не сможешь?

– К сожалению, нет. Я уже расслабилась. Ты любезно купил мне Хеннесси.

– А я уже помолился.

– Помолился за вчерашний день?

– Почему? Почему ты так подумала?

– Сегодня нельзя молиться.

– Разве? Впрочем, ты права. А ты знаешь, как я молюсь?

– Как?

– Шифровкой. Груша, яблоко, апельсин. Груша, яблоко, апельсин. Груша, яблоко, апельсин!

– Фантастика! С какой стати? Тебе приснился сон?

– Да, ты права, мне приснился сон, как надо молиться. Жаль, что я забыл, почему так надо делать. Вероятно, это была какая-то шифровка.

– Кстати, ты знаешь, что следующая пятница – это Тринадцатое?

– Именно поэтому, возможно, я боюсь биться с этим Гри-

бом в пятницу.

– Ты боишься черной магии?

– Разве она делится на черную и на красную?

– Ты думаешь, это одно и то же?

– Итак, Зойка! – объявил организатор соревнований. –

Она любит белое вино.

– У нас в ресторане двенадцать видов белого вина, – сказал Берлиоз. Он, как метр, тоже влез на сцену, и взял на некоторое время микрофон в свои руки, но быстро отдал назад, чтобы раньше времени не достукаться до чего-нибудь неприятного. Как-то... впрочем, не будем о неизбежном.

– Она любит высоких кудрявых блондинов, – опять начал ведущий. И добавил: – А также проводить отпуск в Лондоне, где много, много диких обезьян! – И парень засмеялся так, что Миша вынужден был опять вынуть блокнот и записать:

– Соврал.

– Долой со сцены товарища Соврамши! – крикнул он. Точнее, хотел крикнуть, потому что Марго закрыла ему рот ладонью.

– Не будь глупее паровоза, – сказала она, – ты сорвешь представление, любимый. Это обычная традиция конференсье: пороть чушь.

– Я не согласен.

– Тогда запиши в свой блокнот, что я в качестве компенсации должна тебе один лишний поцелуй.

– Твои поцелуи для меня не бывают лишними.

– Лишенная наследства! – теперь объявил конференсье.

Любит побеждать в боксерских поединках.

– А какое у нее хобби? – спросили из зала.

– Это и есть ее хобби, – ответил конференсье. Девушка наклонилась, и что-то прошептала на ухо ведущему. – И да, – сказал он, – она любит плавать. У нас есть свой бассейн, – продолжал конференсье, – поэтому... – Народ безмолвствовал. Просто никто не понял, чего она хочет.

– Она хочет искупаться в нашем бассейне с рыбами, – сказал Булгаков.

– Серьезно? Ты так думаешь? – удивилась Марго.

– Вот сейчас увидишь. – И точно, Лишенная наследства полезла в бассейн. После того, как Булгаков, видя, что никто не понимает ее безмолвной просьбы, крикнул:

– Прошу искупаться в нашем бассейне вместе с осетрами!

Девушка улыбнулась и тоже пошутила в духе лондонских обезьян:

– Осетры копченые? – Миша, к сожалению, растерялся. Но когда девушка, обтекаемая водой, вылезла из бассейна, опомнился, и сказал:

– Нельзя ли показать какой-нибудь фокус с разоблачением?

– Номер с разоблачением? – переспросила дама. – И добавила: – Разумеется.

Она сняла прилипшее к телу платье. Повернулась. Нагнулась. И сделала несколько движений попой вправо-влево. Для людей, привыкших к стриптизу на шесте, это не было новым фокусом. Тем не менее, никто не пошутил:

– А теперь, пожалуйста: разоблачение. – Все замерли, как загипнотизированные. Им показалось, что в воздухе просвистела гильотина. Многие схватились за горло. Даже Марго отшатнулась, и сказала:

– Она победит.

– Ты уверена? – спросил Миша.

– Ну, надеюсь, что да. Эта Лишенная наследства, владеет магией.

– Красной или черной?

– Вот ты дошутишься, и проиграешь все на свете. И знаешь: надо поговорить с Грибоедовым.

– Насчет чего?

– Надо поменять ставку. Мы на нее, а он пусть ставит на Зойку.

– Не согласится.

– Можно, я пересяду за его стол, и объясню этому Грибу, как надо правильно выбирать победителя?

– Можно-то, можно. Да только нельзя, – повторил Миша известную фразу.

– Почему?

– Боюсь, как бы ты не осталась там навсегда. – Хотел ска-

зять Булгаков, но побоялся, что дама обидится за недоверие, и потом придется долго ее уговаривать, чтобы она простила его. – Хорошо, попробуй, – сказал он.

За столом Грибоедова сидела Черная Мамба, которая еще иногда покачивалась, после проведенного ей Марго удара Лемана. А также Аннушка на высоком, барном, табурете. Теперь еще села Марго.

– Крысы бегут с тонущего корабля, – сказала пьяная Аннушка. Черная Мамба пока промолчала. От умственного напряжения у нее начинало стучать в висках. Но в ответ на предложение Марго поменять ставку, не вытерпела, и твякнула:

– Ой, не надо песен. Не выдумывай. Более того, не делай, пожалуйста, из нас неудачников!

Марго не стала отражать этот выпад. Она опять начала посмеиваться над Лишенной наследства.

– Послушайте, она не знает, как надевать перчатки.

– Бой уже идет, – мрачно ответила Мамба.

– Но вы не видели, как она надевала перчатки. Она как будто не только перчатки – руки свои давно не видела.

– Вы намекаете, что она вообще может не человек, а так какая-нибудь Панда? – спросил Грибоедов.

– Да, мне кажется, да, она похожа...

– На стерлядь, – добавил Грибоедов. – Ее бы поджарить,

да съесть!

Некоторые были шокированы таким продолжением банкета. Но некоторые, в частности, Марго, сказала:

– На свадьбе?

– Что, простите?

– Они хотят, чтобы вы на них женились, – расшифровала Аннушка со своего высокого стула потребности Марго.

– Напрасно, – сказал Гриб, – ибо...

– Так как место забито, – сказала Аннушка.

– Причем дважды, – добавила Мамба.

Грибоедов не стал разъяснять свою позицию, что мог бы, хотел бы, согласен бы жениться, но ведь Марго – это шпионка, как Мата Хари. Обманет. Но Марго не отстала. Она сказала:

– Ну так согласен?

– Честно? Нет.

– Ну и дурак! – ляпнула Марго.

– Ну, ты чё, в натуре, оборзела, здесь что ли? – спросила Аннушка. И добавила: – Я вызываю тебя на бой.

– На бой? С кем? С тобой? Ни за что. И знаешь почему? Ты проиграла Зойке, следовательно, мне тем более проиграешь.

– Я?! Да я таких Зоек, и таких Марг... Маргов съедаю на ланч! – рывкнула пьяная Аннушка со своего высокого стула.

– Тогда, может, разберемся прямо сейчас? – спросила Марго. – Я готова. Впрочем, лучше завтра.

– Окей. Встретимся завтра. А теперь вали отсюда. Гриб, скажи ей. Это шпионка. Не веришь? Посмотри внимательно. Не видишь? Смотри! Смотри на лоб! Видишь? Видишь, написано:

– Шпи-он-ка. – Грибоедов протер глаза. Ему действительно показалось, что на лбу Марго на мгновение вспыхнула надпись. Но что там было, он не успел разобрать. – Попроси ее уйти. Иначе потом будешь жалеть всю жизнь.

– Да, – проямлил парень, – Прошу вас, переседайте назад к своему Булгакову. Не компрометируйте ни его, ни себя.

Между тем бой продолжался, и Зойка уже два раза падала на пол. Но пока что вставала.

– Все кончено, – решили многие. Некоторые даже попросили оркестр сыграть какой-нибудь танец в перерыве между раундами.

И оркестр заиграл:

По долинам и по взгорьям,
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье —
Красной Армии оплот.

Лишенная наследства села за свой стол, а Зойка за стол Афанасьевича.

Какой-то парень подошел к оркестру и попросил сменить песню. Но его послали подальше. И он отошел. Правда, спросил:

– Почему Армия – Красная?

Далее, кто это был?

Это был Алексей. Некоторое время он был женат на Лишенной наследства. Не по документам, а так, чисто по любви. Потом она вышла замуж за заезжего англичанина по имени Борис Лев. Кто додумался до этого имени – неизвестно. Наверное, он был масоном. Теперь она вышла замуж по документам. Когда Бориса грохнули при переходе границы, оказалось, что ее имени нет в завещании. Хотя она точно знала, что:

– Было. – Она сама его видела перед самым отъездом из Лондона.

– Не мог Борис меня кинуть! – горячо доказывала она адвокату.

– Почему? – просто так, только чтобы поддержать разговор, спросил адвокат Семен Семеныч Семенов. Это был самый лучший адвокат. И именно его Лишенная наследства выбрала для ведения ее дела. Не задумываясь о том, что он же составлял и завещание Бориса Льва. Теоретически можно предположить, что он был в доле с махинаторами, решившими обмануть добрую девушку.

Она решила принять титул:

– Лишенная наследства. – И называться так до тех пор, пока не вернет, принадлежавший ей по праву завещания... Зеленый Лёд!

Да, она знала, что Борис вложил все свои заработанные непосильным и не только трудом деньги в плантации Зеленого Льда, находящиеся... неизвестно где. Она решила сама узнать координаты этого места, нарушив правила общежития. Как она узнала, всех злостных нарушителей общественного порядка в последнее время направляли именно туда, на плантации Зеленого Льда.

– Наверное, мы опять выиграли право на проведение чемпионата мира по футболу, – решила девушка, не заморачиваясь расследованием на эту тему. Главное, что возник легкий способ попасть на Зону. То, что оттуда не возвращаются, ей не приходило в голову.

Она могла бы попросить бывшего мужа, Алексея, помочь ей, но стеснялась:

– Вдруг он обиделся на меня так сильно за то, что вышла замуж официально, но не за него, а за миллиардера, что не захочет больше видеть? – Более того, дама не знала, где теперь находится ее бывший муж.

А он был здесь. Правда, под личиной не только лишенной наследства, но просто лишенной элементарного жилья при выпуске из детдома, не мог узнать ее. Она пила водку,

и ела, как это раньше – давно уже – бывало картофельное пюре с котлетой. И – что самое примечательное – клала недокуренную сигарету прямо на тарелку с картофельным пюре и недоеденной котлетой. Алексей это заметил, но разум его не додумался вернуться в прошлое, и как следует идентифицировать эту ситуацию. Все, что он придумал, это пригласить бедную девушку на танец. Ну, чтобы ей не было так грустно и одиноко в ресторане. Где в круглом, как фонтан в Гуме, озере плавали благородные осетры, и богатые мужчины делали большие ставки на знаменитых девушек – боксерш.

Говорят, еще Никита Сергеевич Хрущев предлагал и в Гум запустить осетров. Чтобы знали, особенно там, в Лондоне:

– У нас не только молока и мяса завались, но и черной икры. – Но не собрал большинства на Президиуме. Видимо, уже тогда ему не доверяли. Так если подумать:

– Кто? – Кто мог ему не доверять, если он был самым главным? Вот в чем вопрос. Мы привыкли доверять. Никто ведь не сказал:

– Я ему не доверяю, – когда один парень сказал, что, мол:
– Не вижу тьму, скопившуюся на нашей границе танков и самолетов.

А действительно:

– Видеть может почти каждый. – Не видеть – только из-

бренные.

Говорят, еще с семнадцатого года стояли в бункерах под Москвой дальнобойные сорокатонные грузовики битком набитые молоком и мясом, только в девяносто первом году им не дали пробиться к Белому Дому, чтобы показать всем:

– Нате, обожритесь! У нас всё есть.

– Вы хотите восстановить свою репутацию? – спросил руководитель оркестра. И добавил: – Тогда платите.

– Сколько?

– За репутацию? – улыбнулся руководитель оркестра.

– За любимую песню.

– Одна цена, мил человек, одна цена.

– У нас на все одна цена, – поддакнул певец.

– Ну, окей. Тогда я сам спою, – сказал Алексей.

– Нельзя, милоч, нельзя. Мы поем только сами. Вы знаете, какой тут беспредел начнется, если все полезут на сцену?

– А вы?

– Знаем! – радостно воскликнул руководитель оркестра.

– Да! – даже засмеялся певец. – Было дело. Кому рассказать – не поверят.

– Хорошо, пойте. – И добавил: – Тогда, может быть, договоримся за полцены?

Все погрустнели.

– Нельзя, дорогой.

– Мы потеряем марку.

– Чего?

– Мы откроем дверь, понимаете? Настежь откроем дверь халявщикам. И вы будете виноваты. Вам это надо? – спросил руководитель.

– Нет, думаю, что нет. Пойте так.

– Как так?

– За всю сумму.

– Так вы нам еще ничего не дали!

– Да? Хорошо, сто хватит?

– Сто у нас за минус единицу.

– То есть без музыки? – спросил Алексей.

– Это на выбор, – ответил певец. – Можно и, наоборот, без слов.

– Как это?

– Промурлыкаю просто:

– Мур-мур-мур-мarmур-ки. – И так далее, и тому подобное.

– Ладно. Лучше все вместе, за двести.

– Тогда, конечно.

И началось:

Я в японских ботинках
Разрисован, как картинка.
В русской шляпе большой!
И с индийской душой.

Я в носках американских,
В узких брюках я в британских.
В русской шляпе большой!
И с индийскою душой.

Мур-мур-мур-мурмур-ки
Муру-муру-муру-ки.

Алексей погрозил пальцем певцу. Мол:
– Зачем халтуришь? Деньги-то за всё заплачены. Что это
за мурлыканье?

Я качу на мерседесе
Не завидую принцессе
И по-прежнему пою:
Я в японских ботинках
Разрисована-а! Как картинка!
В русской! шляпе большой,
И с английскою душой!
– Я люблю дождь, лэдис энд джэнтльмэн.

В аэробусе лечу
И как раньше залечу:
И в Америку, как Чкалов,
И в Россию, как Хузалов.
Имеется в виду Говард Хьюз, Авиатор.

В перерыве Лишенная наследства подошла к музыкантам и спросила, кто заказал этот танец.

– А вы интересуетесь? – спросил бас-гитарист.

– Да, конечно, – ответила девушка.

– У нас за все платят, – сказала соло-гитара. – Ритм-гитара уже не успела ничего сказать, потому что Лишенная наследства перевернула стол, за которым коротали перерыв за бутылкой водки с закуской из помидоров и огурцов музыканты.

– Зачем вы это сделали?! – удивился руководитель оркестра. Его не было во время разборки. Он ходил для себя лично за оставшимся от обеда супом по системе Кремлевская диета, с креветками.

– Я боялась, что мне предложат расплатиться натурой, – ответила боксерша.

– И что бы тогда было? – все-таки смог вставить свое слово ритм-гитарист.

– Я бы вас всех убила.

– Как это? – решил уж сказать свое слово аккордеонист.

– А вот так. – И она ударила этого последнего члена оркестра, предварительно спросив:

– Он не очень вам нужен? – И получив утвердительный ответ, убила его. По крайней мере, парень не встал даже тогда, когда бой на ринге завершился.

Глава пятая. Рубиновые изумруды

Русалка, Лишенная наследства, Катя Русакова – одно и то же лицо. Я думаю, все это поняли. Она попала на Изумрудную Зону за убийство боксерши в финале. А именно, когда выступала во вторую пятницу на стороне Грибоедова, против Булгакова. А за Булгакова выступала Марго. Хотели переиграть ситуацию. Дело в том, что Лишенную наследства хотели арестовать сразу после боя с Зойкой, которую она выбросила за канаты в четвертом раунде. За что? За убийство аккордеониста. Но Грибоедов всех успокоил:

– Этого не может быть!

– Почему? – удивился стражник.

– Потому что этого не может быть никогда, – просто ответил владелец ресторана Содом. Или Содор.

– Но ведь он убит.

– Значит, это сделал кто-то другой. Боксерши обычно входят в состояние беркерсиерства только на ринге. А так-то, в обычной жизни, все ведут себя достаточно корректно. Обычно...

– Вообще-то меня не интересует, как они поступают обычно, – сказал страж. – Но я возьму это дело на заметку, и в случае чего расследую его.

– Да, да, конечно, – сказал Грибоедов. – Возьмите двести

баксов.

– На похороны?

– Почему на похороны? На поминки.

– Этого не хватит не только на похороны, но и на поминки, тем более. Две тысячи.

– Да мы, что, английского короля хороним, что ли?! – возмутился владелец ресторана. Тем более, что это не мой ресторан. Пока еще. – В конце концов, они сложились с Булгаковым по тысяче, и освободились от назойливого стражника.

– Как репей, – сказал Саша.

– Как этот, как его? – спросил Миша.

– Рак?

– Лобстер.

– А какая разница?

– Лобстер вкусней.

– Чем он вкусней? Больше, только если.

– Вот именно. И да, – продолжил Грибоедов, – ты не очень волнуйся, когда проиграешь в пятницу. И знаешь почему?

– У тебя есть Марго, у тебя есть другие боксерши. Ты можешь потом поставить и их. Мне нужны люди.

– Да?

– Да. Я и тебя могу взять.

– Кем?

– Поваром.

– Мне надо подумать.

– О чем?

– Кем я тебя возьму, когда ты проиграешь.

– Ну, до этого далеко. Один бой у меня уже есть в запасе. –

И Грибоедов добавил: – А у тебя ничего.

И в следующую пятницу на ранг вышла Марго и Лишенная наследства. В случае победы она попросила у Грибоедова должность директора.

– Директора чего? – не понял парень. – За бой с Зойкой ты уже получила семьсот пятьдесят тысяч. Я предлагаю тебе миллион двести пятьдесят за эту победу. Итого у тебя будет два миллиона. Это мало?

– Я хочу быть директором,

– Здесь я директор, – сказал Саша.

– Ты будешь директором Амбассадора, а я прошу только половину.

– Ты хочешь быть директором этой Амбы, – наконец резюмировал он. – Хорошо, я тебе это обещаю.

– Напиши расписку.

– Ты еще ничего не выиграла.

– Отдашь, когда побе... когда выиграю. Ты согласен?

– Да.

– Напиши и держи на столе. Я возьму ее сразу после боя. И да, чуть не забыла. Напиши там сразу сумму годового оклада.

– Хорошо. Сколько написать?

– Думаю, оклад предсказателя курса акций в банке меня устроит.

– Сколько это?

– Восемьсот тысяч долларов в год.

– Прости, здесь не банк, мы столько не заработаем.

– На котлетах с картошкой, конечно, не заработаем. Мы будем проводить боксерские бои. С тотализатором, – прищурив глаз, добавила Лишенная наследства.

– При таких условиях мне надо подумать: не проиграть ли лучше этот бой.

– Проиграй. Потом следующий. И так покатишься по наклонной плоскости.

И вот бой начался.

Марго после первого раунда спросила, стукнувшись перчатками с Лишенной наследства:

– Мы раньше нигде не встречались?

– Может быть, – сказала Лишенная наследства. – Теперь это уже не имеет никакого значения.

Далее, Алексей после третьего раунда узнает в Лишенной наследства свою бывшую жену.

Булгаков смотрел бой по монитору.

– У меня нервы не выдержат смотреть в зале, – сказал он.

– Чай, кофе, квас? – спросил Берлиоз.

– Кофе. Ополоснуть, но не разбавлять.

– Придвинуть монитор поближе?

– Честно, я не могу смотреть. Я буду пить кофе, и читать Дар Набокова.

– А я?

– Ну, а ты комментируй для меня бой.

– Читать не будете?

– По совету Цезаря я буду наслаждаться двумя делами сразу.

– Не получится, – сказал Берлиоз. И добавил: – Не в этот раз.

– Почему?

– Вы слишком заинтересованы.

– Ну, хорошо, я сделаю вид, что читаю, а ты Расскажи мне, что там происходит.

Берлиоз взглянул на экран, и закричал, как будто был на заседании Массолита:

– Марго пропускает удар слева. Справа. Марго падает на канаты. Ты – тигр, ты – танк, ты раздавишь ее! – добавляет Берлиоз.

Говорит Лишенная наследства. Ее голос прорывается на экран через микрофон, висящий над рингом:

– Ты слишком медлительна. Смотрите, она сейчас ляжет.

– Марго загнала Лишенную наследства в угол. Она наносит удары по корпусу, – радостно застонал Берлиоз.

– Советую всем приготовиться к началу третьей миро-

вой, – сказал комментатор. – Лишенная наследства набирает очки.

– Не опускай руки. – Это Лишенная наследства советует Марго. – Позволь мне остановить бой.

– Как они еще могут стоять на ногах, – сказал комментатор.

– Не вставай! – закричал Берлиоз. – Нет, ты понял, она нанесла Марго страшный удар сзади!

– Как?! – не выдержал Булгаков, и обернулся. – А судья? Он там спит, что ли?

– Похоже, он не видел этого удара, – ответил Берлиоз.

– Надо остановить бой, – сказал Булгаков. – Пусть я проиграю всё, но Марго останется жива. – Тут Марго подняла голову над полом, посмотрела в зрачок камеры, и сказала одними губами:

– Если ты остановишь бой, я убью тебя.

– Кажется, эта информация предназначена для тебя, – сказал Берлиоз, не оборачиваясь к Мастеру.

Маргарита, прежде чем встать с пола, прокрутила события в голове. Как Дауни Младший.

– Удар под ребра! Еще один. Она плюется кровью. – Она встала, и сделала, что задумала на полу. Лишенная наследства согнулась над канатами. Кровь, котлеты, водка – все попеременно полетело на судью. Который после счета над лежащей по полу Марго, не успел далеко убежать от ринга.

Раздался гонг.

– В четвертом раунде я проведу этой сучке удар Лемана, – приняла решение Марго. Как Шерлок Холмс, заранее. Впрочем, так поступают все детективы. А как иначе расследовать преступления, если не думать хотя бы на один ход вперед? Именно так и надо делать. Правда, противник тоже не дремлет. Возможно, и он думает... я имею в виду, сначала думает, потом делает.

И в четвертом раунде произошло именно это. Точнее, как раз то, о чем все думают, но предполагают, что этого не случится. Марго не успела провести удар Лемана. Нет, даже не так. Она фактически его провела. И Лишенная наследства уже закрыла глаза, чтобы провести несколько минут в бессознательном состоянии. Но... что-то произошло. Как будто удар из прошлого попал в будущее. Как будто удар этот где-то задержался. Марго провела свой удар Лемана, и потом этот заказанный еще до удара Лемана удар откуда-то вернулся и больно вонзился в спину.

– Опять в спину! – воскликнул Булгаков. – Я не понимаю, что происходит.

– Мне кажется, я видел хвост, – сказал Берлиоз.

– Когда кажется, знаешь, что делают?

– Знаю, – ответил Берлиоз, – но у нас это запрещено.

Врачи сразу не смогли определить, умерла Марго, или только находится в коме, поэтому ее поместили в платную клинику. Гриб испугавшись, что у него отберут лицензию на право проведения женских боксерских поединков в ресторане, сам предложил убраться Марго в лечебницу.

– Я заплачу, – сказал он Булгакову на прощанье.

– Я тут узнал, – ответил Миша, что Лишенную наследства отправляют рубить Зеленый Лед.

– Ты считаешь, эта информация представляет для меня интерес?

– Я тут узнал, – опять так же начал Миша, – ты обещал ей место директора ресторана.

– Какого ресторана? – Саша сделал вид, что ничего не понимает.

– Этого, однако.

– Ну, хорошо, согласен. Дальше-то что?

– Думаю, тебе лучше отдать это место мне. На время. Пока Лишенная наследства принимает зеленые ванны.

– Ты знаешь, не хуже меня, что с Зеленой Зоны не возвращаются.

– Все равно в душе ты уже расстался с этим моим рестораном. Какая тебе разница?

– Разница есть. И знаешь какая?

– Догадываюсь. Ты предложил ей восемьсот тысяч долларов в год...

– Не я – она это сказала. Я еще ничего не решил.

– Я согласен на половину.

– Ну, окей. И половина выигрыша с боксерского тотализатора.

– И...

– Нет, никаких И. Я знаю, что ты хотел сказать. Боксерши твои.

– Получается: с выигрыша моих боксеров ты получаешь половину. Выигрыш от побед своих боксерш ты тоже полностью забираешь себе?

– Это естественно. Для этого я и побеждал сегодня.

– Так я никогда не смогу восстановить свое доброе имя, – сказал Булгаков. – Знаешь что? Давай я предложу тебе другой вариант.

– Ну, попробуй.

– Ты не лезешь в дела моих боксеров, а я...

– А ты моих? – засмеялся Грибоедов.

– Нет, нет. Просто в качестве достойной компенсации я назову этот ресторан благословенным именем:

– Грибоедов.

– Грибоедов?

– Гри-бо-едов, – повторил по слогам парень. – Мне нравится. Но с какой стати? спросят некоторые личности.

– Скажешь... скажешь, что у тебя была богатая тетка.

– Не поверят!

- Поверят. Сейчас все так делают.
- Хорошо, я согласен. Когда повесишь новую вывеску?

Русалке предложили быть нарядчицей. Опасная должность. ПР так и сказал:

- Вы можете за себя постоять?
- А вы как думаете? – спросила Лишенная наследства, Русалка.

- Если бы я не знал, я бы не спрашивал.
- Ну, спасибо, что спросили.
- Вижу, что можете.
- Что-нибудь хотите сказать? – спросил ПР, Председатель у заместителей.

– У вас будет здесь новое имя, – сказал ЭР, зам. по режиму.

- Какое? Лишенная наследства?
- Пожалуйста, не перебивайте. Здесь не бывает наследств.
- Бывает, – перебил соперника КА, зам. по культуре. – Одна тут даже должна скоро приехать. Но вас это не касается. И знаете почему?

- Из нее решено сделать статую на дне реки, – сказал ЭР.
- Так что вы даже с ней не встретитесь, – сказал ПР. И добавил: – А если и встретитесь, то не обращайтесь к ней.

- Почему? – удалось наконец спросить девушке.
- За ней идут спецагенты, – сказал ЭР.

– Они справятся и без вас, – сказал КА.

– Так право на наследство отменили?

– Я сказал: меня это не колышет, – сказал ПР, И добавил: –

И тебе не советую.

– Я тебе раскрою тайну, – сказал культуролог: – Нам за-
платили. Большие деньги.

– По два миллиона, – сказал КА.

– Ему три, – ЭР кивнул на Председателя, которые хотел
что-то возразить, но ребята его успокоили:

– Не беспокойтесь.

– Мы согласны. – И знаете почему?

– Кто-то из нас когда-нибудь тоже будет Председателем.

– И ему тоже будет обидно иметь одну и ту же сумму с за-
мами.

– Он хочет больше.

– Вы меня разыгрываете, – наконец радостно засмеялась
Русалка.

– Почему? – удивился Председатель.

– Разве здесь разрешено брать деньги? Разве это законно?

– Законов мало осталось, – печально сказал ЭР.

– Тем более, про деньги, – добавил КА. – У нас не было
законов про деньги.

– Один был, – сказала Русалка. – И его достаточно, чтобы
вас всех закатать в лед. В Зеленый Лед.

– Ну, хорошо, – вздохнул Председатель, – сколько?

– По полтиннику с каждого, – решила не торговаться Русалка. Она поняла, что Система уже не работает только за деньги, и даже не только за большие деньги, а работает давно за деньги.

– По по... – не закончил КА.

– Это сколько? – напрямик спросил ЭР.

– Это не пятьдесят тысяч? – на всякий случай спросил ПР. И тут же добавил: – Значит, пятьсот, – тяжело вздохнул он.

– Но чтобы информация поступала ко мне, как с телетайпа, – сказал режимник. – Немедленно.

– И ко мне тоже, – сказал культуролог.

– А разве вы...

– Да, желательно, чтобы ко мне информация поступала в культурном виде, – сказал КА.

– Подождите, подождите, – замотал головой ПР. – О чем речь? Вопрос об информации сегодня не ставился. Тем более, в этом деле она на втором месте. Мы говорим, о... собственно, за такие деньги стоит вопрос уже не только о молчании ягнят, но и о помощи в возможном задержании Лишенной наследства. Да, именно так мы будем ее называть, – сказал Председатель. – И знаете почему? Иначе мы просто на просто запутаемся в именах, псевдонимах и кличках.

– Действительно, надо иногда поступать, как все, – сказал ЭР.

– Так делают очень немногие, – сказал КА.

– У меня только одно предложение, ребята, – сказала Русалка. – Я не могу запомнить ваши кодовые псевдонимы.

– Ну, что ж. Это можно, – сказал Председатель. – Зовите меня Михаил Сергеевич.

– Меня можете кликать: – Федор Иванович.

– Май неймз – Вячеслав Соломонович.

– Прошу и меня извинить, – сказала Русалка. – Но такие имена звучат для меня, как французский импрессионизм в русском переводе. Я ничего не могу запомнить. Можно я буду назвать вас просто, по-русски, как Петр Первый.

– А именно?

– Наверное, Мишка, Федька, Славка.

– Я согласен, – сказал Зам. по культуре.

– Согласен, да, или согласен, нет? – спросил Михаил Сергеевич.

– Согласен, да. В том смысле, что лучше просто: Миша, Федя, Слава.

– Все равно очень похоже, – сказала Русалка. – Я не запомню. Ты, – она показала пальцем на Председателя Зоны, – будешь... – она покачала пальцем в разные стороны, – Комбайнер. Ты – Достоевским. Ну, а ты, мил человек, просто: Соломон.

Все согласились, только культуролог засуетился:

– Я не буду Соломоном. И знаете почему? Я боюсь. Лучше

просто: Соломоныч. Так лучше.

– Не страшно?

– Страшно, но смысл скрыт, – ответил зам. по культуре. – Если спросят про храм Соломона, мол, где он, отвечу:

– Я его не строил. Мне его не покупать. Поэтому логично что?

– Что? – спросила Русалка.

– Ай доунт ноу. Я не знаю.

– Ну, познакомились! – хлопнул ПР в ладоши. – Давайте проверим. Я?..

– Мишка! Миша, точнее, – ответила Русалка. И спела: – Михаил Сергеич, что же, мне купить на рубль?

– Я? – сказал зам. по режиму.

– Ты этот... ну, как его?

– Раскольников, – подсказал Миша.

– Точно! – радостно воскликнула девушка. – Ведь рассказывает этих, как их, рыб.

– А ты? – она прищурилась на культуролога. – Кажется, ты Зам. по тылу. Нет, нет, так мне больше нравится. Это очень романтично:

– Зам по тылу-у! Феноменально. И очень вам подходит. – И Русалка захлопала в ладоши.

Далее, она предъявляет свои верительные грамоты.

– Я – ваша тетя, – говорит Русалка. – А вы мои обезьяны.

Ребята ахнули. Схватились, было, за пистолеты. Но Русалка блеснула своим острым, как гильотина хвостом, и многие заткнулась. Да нет, не многие – все.

– Но что мы будем делать? – спросил Миша, ПР. – Ведь ваши, так сказать верительные грамоты, не настоящие. Я в курсе дела. У вас нет документов на право наследования пятиметрового участка. И вы его никогда не получите. Стоимость изумрудов на пятиметровой глубине равна цене контрольного пакета акций. Вы это знали?

– Догадывалась.

– И это еще не все, – сказал Раскольников. – Именно на этой малой глубине были найдены несколько образцов каких-то особенных изумрудов.

– Красно-зеленых, – сказал Зам по тылу, культуролог.

– Натуральные красно-зеленые изумруды, – резюмировала Лишенная наследства, Русалка. И добавила: – Думаю, нам надо выстроить вокруг это Зоны укрепления.

– Из кольев, что ли? – спросил Начальник Зоны.

– Можно из глины, – сказал Режимник.

– У нас много колючей проволоки, – сказал Воспитатель. – Импортная, с базы Клейтон. Можно опутать Зону в шесть рядов.

– Будем стоять Крепость, – сказала Русалка. – Если уж воевать – так в Троянскую Войну. Вы согласны.

– Ну... – начал Миша, – у нас, наверное, должен быть,

какой-нибудь процент.

– Да, – поддержал Начальника Раскольников, – думаю, торг здесь уместен.

– Мы сильно рискуем, – сказал Зам по тылу. – Ведь на самом деле, у вас нет никаких документальных подтверждений.

– Какие вам нужны еще подтверждения? – и Русалка опять хотела продемонстрировать силу своего хвоста, но ребята неожиданно возмутились:

– Не надо нас так часто пугать вашим хвостом.

– Так не пойдет.

– Я теряю здравый смысл, – сказал Зам по тылу, – а ведь мы должны думать. Думать, чтобы плодотворно работать.

Далее, из чего строится Крепость?

– Э! Э! Эй!

– Я ничего не слышу, – сказала девушка в купальной шапочке. – И знаете почему? Я закладываю уши ватой перед тем, как прыгнуть в воду. – Она потопала ластами по прибрежному ковру.

– Иди сюда.

– В чем дело, мэм?

– Ты из какой бригады?

– Она из моей бригады, – ответила, подходя Подсолнух.

– Я хочу перевести ее в бригаду Розетки, – сказала Русал-

ка. – На пятиметровый слой.

– Да? А ты кто такая? С этапа, что ли?

– Да, я теперь здесь главная.

– Мне никто ничего не говорил.

– Я говорю.

– Боюсь, этого недостаточно. Может быть, ты главная на Стене?

– Да.

– Ну, вот и иди, клади, – сказала Подсолнух.

– Вы меня не дослушали. Я главная не только на Стене, а...

– А ты не знаешь продолжения после этой буквы?

– Может, я пойду пока? – спросила девушка в ластах. Она вынула беруши из ушей, и так и продолжала стоять, держа их в руке.

– Подожди, сейчас пойдем вместе, – сказала Русалка. – Уже не долго осталось.

– Она никуда не пойдет, – сказала Подсолнух. И добавила: – Иди, Сахарок, точнее, плыви, работай, а то план сегодня не выполнишь. А план не выполнишь, в бар не пущу. Будешь заниматься уборкой помещений, и игрой в настольные игры. Как-то:

– Шашки, шахматы, домино и настольный теннис. – Шугэ не пила в баре вместе со всеми, и не крутилась на шесте, как

хотелось бы многим. Но это развлечение было здесь запрещено приказом нового министра культуры. Она просто танцевала на стойке бара. На нее заглядывались многие Сэлли. Двое из них уже договорились сегодня сыграть партию в покер на право первой ночи. Надо было только найти хотя бы еще двоих. Вдвоем-то играть не интересно. Одну из них звали Черемуха, другую Душистая. Вроде бы: как называть человека Душистая? Сразу ясно, что кого-то не хватает. Но эти девушки и не расставались никогда. Они были неразлучны, но вот решили найти третьего. В это время они как раз вылезли на берег.

– Какие дела? – сразу спросила Черемуха.

– Думаю, нужна наша помощь, – сказала Душистая, едва поднявшись наверх.

Русалка поняла, что без рукоприкладства не обойтись. Хвост она решила больше не применять. Только в крайнем случае, если что. А то народ перестает соображать неделю. Как минимум. Например, когда Русалка вышла из кабинета Миши, ПР, и спускалась по лестнице, она встретила Лужайку. Та поднималась. Русалка хотела с ней поговорить. Может быть, даже дать задание. Но скромная Лужайка на вопрос:

– Как тебя зовут? – ответила раздраженно:

– Дерни низом.

Можно было, конечно, прямо сверху дать ей по балде, но Русалка решила продемонстрировать силу своего хвоста.

Она изобразила два зигзага над головой и перед лицом Лужайки, и остановила свою гильотину перед горлом.

— А! — воскликнула она, — я тебя вспомнила. Ты же была на этапе. И... и зачем ты идешь сюда?

Лужайка, казалось, потеряла способность говорить.

— Отвечай по слогам, — сказала Русалка.

— Ай эм... — начала Лужайка.

— Молви русский языком, — подбодрила ее Русалка. И добавила: — Как Пушкин.

Но ничего так и не вышло. Более того, Лужайка даже писать разучилась. Только по слогам, и только простые предложения. Как говорится:

— Ма-ма мы-ла... — стало даже неизвестно, что она мыла.

На следующий день догадливый Зам по тылу подарил Лужайке букварь, и дал две недели на повторное изучение русского языка. Зам по режиму решил, что он первый добьется успеха в деле обучения Лужайки способу доставки информации, если обучит ее Азбуке Морзе.

— Чего проще, — сказал он ей, — стучи, да стучи. — Так и сделали.

С чем была связана такая забота комсостава о Лужайке? Дело в том, что она была не с этого этапа. С какого? С каждого. Ее подсаживали на предпоследней станции в каждый этап. И таким образом получали достоверную информации. Пока новички не успевали оборзеть, на них уже была со-

ставлена анкета о пристрастиях, равнодушии и ориентации. Не в смысле: шашки, шахматы, настольный теннис, а вы сами знаете, о чем. Многие могут подумать:

– А о чем, действительно? – Ведь все женщины!

Это только кажется с первого взгляда. Здесь они делились, как уже было написано:

– На Сэлов, Сэл, Сэлли и на Мамочек. Таких куколок, мало пригодных к физическому труду. Вроде бы: если женщина не пригодна к физическому труду, можно использовать ее, как-то и иначе. А как? Это на свободе им придумали два занятия:

– ИТР и домохозяйки. – Здесь только домохозяйки. Да, друзья мои, не все Мамочки рубили Зеленый Лед в ластах. Некоторые занимались только собой. Это и называлось быть домохозяйкой. Готовить мясо, рыбу и другие овощи было запрещено. Ибо:

– Все в баре.

Тем более, Мамочка – это не домашний повар. Наоборот. Они Мамочки потому, что обычно кричат:

– Ой, мамочка, я обрезала пальчик! – Имеется в виду на чистке картошки.

Сама Русалка тоже, между прочим, была Мамочкой.

Но это уж известно. Но, думаю, только по внешнему виду.

Русалка попросила:

– Останься, Сахарок.

– Нет, нет, плыви, Мамочка, – сказала Подсолнух. – Работай, я тебе сказала. Мамочек заставляли усиленно работать, чтобы они легче и беззаботнее шли на предложения Селестин о за... на то, чтобы те за них выполняли норму.

Русалка нанесла Подсолнуху правый хук. Но этого оказалось недостаточно. Дама только отступила на два шага. Следующей была Черемуха. Но она успела первой. Хорошо, что попала в плечо. Русалка покатила с небольшого откоса к реке.

– Искупайтесь, ребята, – сказала Душистая. – А впрочем, можете опять вылазить. И знаете почему? Я еще никого не била.

– Я тоже, – сказала Подсолнух. Но наоборот, предупредила: – Попробуйте только подняться сюда. – Три дамы выстроились на откосе, как неприступная Крепость Тамплиеров.

– Придется мне сегодня быть Сантаной, – сказала Русалка. И добавила, обратившись к Шугэ:

– Помоги мне подняться на гору.

Глава шестая. К северу через северо-запад

Подсолнух, Душистая и Черемуха дали Русалке подняться наверх. Но ударить не смогли. Одну она стащила за ногу вниз. А Подсолнуху она теперь нанесла не один, подряд три удара. В солнечное сплетение, в нос – это джеб, и снизу в подбородок, апперкот. Подсолнух скатилась в воду. По пути она сбила, пытавшуюся залезть назад Черемуху. Душистая поиграла перед лицом Русалки огромными кулаками.

– Ну, чё? – спросила она, – ты когда-нибудь видела такие пудовые гири.

– Красивые, – сказала Русалка. И засмотрелась на эти ползающие в облаках чугунки. Она так залюбовалась этим импрессионистическим видением, что чуть не получила удар прямо в лоб. Быстро уклонившись, Русалка провела хук слева. Душистая задрала вверх свои чугунки, как будто это были шары, надутые летучим газом. – Бычок поднял лапки, – сказала Русалка и добила могучую даму. Джеб, хук справа, апперкот. Она обернулась к реке, где тоже шло сражение. Прямо в воде. Обрыв начинался только через метр от берега. И девушки сцепились на этой узкой полосе. Кто именно? Мамочка Шугэ и Черемуха. Она хотя и была сбита Подсолнухом, но почему-то во всем обвинила Шугэ. Черемуха ска-

зала:

– Я ща растворю тебя в реке. – Она действительно хотела разобраться с Сахарком по-быстрому и заняться Русалкой. Как она сказала:

– Вплотную. – Но неожиданно получила два быстрых хука.

– Ты чё делаешь, падла? – изумилась Черемуха. И так махнула, что Шугэ показалось:

– Комета Галлея опять вернулась за нами. – Если бы она не пригнула голову, ее бы точно эта комета захватила с собой.

Шугэ автоматически провела двойку. И... и толстуха упала за черту. Черту, отделяющую мелководье от начинающейся глубины. От магического подводного царства, где на глубине жили огромные изумруды. Удары так подействовали на Черемуху, что она не могла долго держаться на поверхности таинственной реки. То всплывала, то опять погружалась в пучины волн. Подсолнух лежала, подложив под голову большой красно-зеленый изумруд, чтобы кровь из носа на заливала ей грудь.

– Может быть, тебе и на нос приложить такой же изумруд? – спросила Шугэ.

Подсолнух что-то зло промычала сначала. И даже дернулась, как припадочная. Но потом Шугэ все-таки расслышала:

– Да. – Но, как говорится, что значит:

– Да? – Камней здесь больше не было. И неизвестно, откуда взялся этот дабл-изумруд.

– Поднимайся сюда, – сказала Русалка. – Я думаю, она очухается и без этого большого изумруда. – Иди. – И видя, что Сахарок поднимается без камня, приказала взять изумруд из-под головы Подсолнуха.

– Что? – не поняла девушка.

– Дабл-изумруд возьми.

– Где? – че-то заклинило в голове у Шугэ. – У нее из-под головы? – наконец догадалась она. Но Подсолнух вцепилась в камень и не отдавала его.

Русалка махнула рукой. Она не знала еще, что таких больших камней нет в ее пятиметровом слое. Она думала, что они:

– Все такие.

Они уже пошли к бару, видневшемуся среди деревьев сада, когда Шугэ спросила:

– Она не утонет?

– Думаю, она выплывет, – сказала Русалка.

– Думаете, или уверены?

– Если я говорю – значит уверена. – Сахарок оглянулась на реку. Черемухи не было.

– Она утонула.

– Она на берегу.

– Ох, хорошо бы.

– Че ты ее жалеешь?

– Она хотела меня утопить. Но не смогла, – ответила девушка. – Мне хочется, чтобы те, кого я победила, помнили мою победу.

– Да, если они утонут, то точно не смогут вспомнить, как ты их била, – сказала Русалка. И добавила: – Зато и отомстить не смогут.

Они вошли в бар.

– Ты боксерша? – спросила Русалка.

– Нет. Так выучила пару ударов, прежде чем сесть в тюрьму, – ответила Шугэ.

Она была танцовщицей в Лабиринте. Посетители к ней особо не приставали. Думали, что у нее кто-то есть. Думали, что сам управляющий Феликс ее, так сказать, поддерживает. Но однажды сюда пришли ребята Петя Таганский, Вася Коломенский и Лёва Сибирский. Они попросили Шугэ станцевать на их столе. Чисто культурно. За бабло. Каждый кинул по сто баксов. Более того, ребята добавили еще по сто, когда поняли, что ей этого мало. Но все равно получили отказ.

– Я не танцую на столе!

– Почему это? – спросили ее культурно.

– Ну, как вам сказать? Я же не случайно лезу на стойку? Не из-за неожиданно вспыхнувших эмоций, как думают некоторые. Это определенная администрацией площадка для моих выступлений.

– Мы потом договоримся с администрацией, – сказал Петя Таганский.

– Не бойся, мы тебя отмажем, – сказал Вася Коломенский.

– Живи спокойно, не суетись, – сказал Лева Сибирский.

– Не буду!

– Что значит:

– Не буду?

– Будэш! – сказал Петя Таганский и поставил девушку на стол.

– Танцуй, – сказал Вася Коломенский.

– А не будешь по-хорошему, будешь...

– По-плохому, что ли? – спросила Шугэ с улыбкой.

– Нет, тоже по-хорошему, – сказал Лева Сибирский. – Только голой.

– Ну, голой, так голой, – сказала Шугэ, и разделась. Прямо на столе. Но не успели ребята, как следует раскрыть рты, как она спрыгнула со стола и побежала на кухню. Она хотела оттуда пробежать через двор и скрыться в гардеробе. Почему не в раздевалке? А ее не было. Недавно завезли слишком много товара, и часть его пришлось разгрузить в раздевалку. Поэтому все раздевались прямо в гардеробе. И повара, и официанты.

Ребята подумали, что девушка побежала в раздевалку, и сломали в ней дверь. Сломали и растерялись: здесь стояли только что привезенные французские коньяки. Мартель,

Камю. А у задней стены, за коробками – Хеннеси.

– Во, в натуре, – сказал Петя Таганский. – А говорят, что нет. Он взял одну бутылку Мартеля, подкинул на руке. – Красивая.

– И очень вкусная, – сказал, походя, управляющий. – Внутри, я имею в виду. – И он попытался забрать красивую бутылку Мартеля, но Петя Таганский неожиданно выпустил ее из рук.

– Ой! упала, – сказал он. И улыбнулся.

– Запах! – шумно втянул носом воздух с запахом Мартеля Вася Коломенский. – Спец... спеч... с ума сойти, – резюмировал он кратко.

– Мы хотели его выпить, но видимо, придется взять водки, – сказал Лева Сибирский.

– Думаю, вам придется пройти в зал, – сказал Феликс.

– Всё? – спросил Петя Таганский.

– Нет, не все, – ответил управляющий. – За бутылку придется заплатить три цены.

– Три? – переспросил Вася Коломенский. И добавил: – А мы думали, четыре.

– Нет, это ты, Вася, думал, четыре, – сказал Лева.

– А ты?

– Я бы дал пять.

– Кто больше? – прервал неуместный торг Петя. – Вы, –

он ткнул пальцем в грудь Феликсу, – поставите нам на стол шесть бутылок.

– И не возражайте, милейший, – сказал Петя, – несите.

– Но вам надо заплатить за сломанную дверь склада, за... – Феликс хотел огласить весь список своих предложений, но Вася протянул в склад руку, вынул из коробки еще одну бутылку Мартеля, и засунул ее в рот управляющему Феликсу.

– Вкусная? Я имею в виду снаружи? – спросил один из мужиков.

Шугэ вышла из гардероба, а один из этих мужиков как раз вышел покурить. Он поймал ее, и притащил в зал. Феликс уже давно вызвал милицию, и наконец, она появилась. Это были два сержанта. Лева Сибирский послал их на – слово на букву х. Ребята возмутились и вынули пистолеты. Это было в фойе. Лева Сибирский и Вася Коломенский вышли к милиции, а Петя Таганский остался в зале и держал там на столе танцовщицу Шугэ. В фойе началась стрельба. Девушка ударила Петю ногой в горло, и быстро оделась. Потом прыгнула со стола. Она вынула у него из-за пояса сзади пистолет. Как узнала, что у Пети Таганского сзади за поясом пистолет? Петя сам уже полез туда вялой рукой.

Так ее и застал, с пистолетом в руке наряд милиции. Точнее, отряд уже, целый отряд из пяти человек ворвался в ре-

сторан. Тех-то двоих сержантов убили, Но один из них успел передать по рации:

– Нас убивают. Просим ОБР. Просим прислать ОБР. Просим... – на этом его передача оборвалась. Но через пять минут прибыл целый отряд. Откуда он так быстро мог прибыть неизвестно. Да кажется не прошло и пяти минут.

Они застали Шугэ с пистолетом в руке. Петя Таганский был жив. Он-то был жив, вот в фойе все были убиты. И сержанты, и Вася Коломенский, и Лева Сибирский. Даже Феликса нашли с прострелянной головой на пороге склада. И... и во всем обвини танцовщицу Шугэ.

– Да я была в зале, – пыталась она оправдаться. – Вместе с этим Петей Таганским. Если бы я хотела кого-то убить, я бы убила его в первую очередь. Как вы думаете?

– Мы думает, что ты всех убила, – сказала судья. – И знаете почему? Ни одной пули из автоматов ОБР не было найдено в телах убитых. Это вам о чем-то говорит?

– А должно?

– Разумеется. Ведь это элементарно. Методом исключения получается, что всех убили вы.

– У нас... точнее, у вас нет прямых доков, – сказала Шугэ.

– Каких еще доков-моков?! – возмутилась судья развязностью подсудимой. – Пятнадцать! и пять по рогам.

Но до суда, странным образом она ходила под подпиской

о невыезде. И... и занималась боксом эти два месяца. Хотя ей предлагали танцевать в том же ресторане. Правда, под другим именем. Она, тем не менее, решила подготовиться к Поселению. Она и судье так сказала, что, мол, готовилась к Поселению.

– Да ты что, милочка, – улыбнулась судья, – ты завалила четверых или пятерых – со счета можно сбиться. Вот если бы ты сбила их на джипе – тогда да, можно бы подумать. Но и то вряд ли ты бы могла рассчитывать на Поселение. Только Зона.

Судья, конечно, знала, что:

– Пятнадцать и пять по рогам, – означало почти то же, что и раньше:

– Десять лет без права переписки. – Человек назад уже не возвращается. Между Тем и Этим мирами уже возникает пропасть. Один из миров кажется другому кладбищем. Кто-то там был, но теперь уж его нет. Кажется, что есть, а приблизитесь – нет! Нет уже никого.

Это позволяло заключенным мечтать. Издалека-то кажется, что переход туда, где чисто и светло еще существует. Ничего удивительного. Ума Турман из могилы вон вылезла. Даже из могилы можно выйти. Но не с этой зоны, где добывали Зеленый Лед. Все понимали, должны были понять, что это навсегда. Поэтому и старались, чтобы все было, как на воле, как в пионерлагере.

– Точнее, – как сказал Михал Сергеич, – как на американском Диком Западе.

– Надеюсь, вы любите Америку?! – И добавил: – Вопросов нет. Значит, любите. Ну, по крайней мере, вам должно быть ясно, что сидите не зря.

– Ты их не убивала? – спросила Русалка, когда принесли кофе. И добавила: – Ты какое заказывала? Капучино или чисто Черный?

– Я? Мне кажется, я не заказывала.

– Да? Хорошо. Тогда: какое ты выбираешь?

– Хорошо, я выпью Капучино.

– Почему?

– Думаю, ты хочешь Черный.

– Ну, окей. Вижу, у тебя есть предвидение.

– Это что-нибудь значит?

– Это значит, что ты можешь заниматься боксом.

– Только поэтому?

– Более того, тебя звать, так же, как меня. Меня раньше тоже звали ММ.

– ММ? Разве меня так зовут? – удивилась Шугэ.

– Да. ММ – Мэрилин Монро. Ее звали Шугэ. Сахар.

По-русски:

– Сладкая женщина. – Нет, лучше: шоколадка! Сахару полно, а вот шоколадка – это да, Шугэ.

Далее, драка в баре. Мужская Зона. Родительский день.

Один бригадир и несколько звеньевых пришли в бар обедать. На ланч, имеется в виду. Обычные молодые рыбы получили только парное молоко и хлеб на ланч. Эти девушки могли заказать себе в баре яичницу с ветчиной или маленький бифштекс с яйцом. У них было достаточно средств на карточке.

Одна из звеньевых просто по-простому попросила Шугэ передать ей горчицу, которую только что приготовила барменша.

– Не нарывайся на грубость, – сказала эта горбоносая девушка. Ее звали Барбара Цветущая. В этом имени смешались две идеи. Как-то: похожесть девушки на Барбару Стрейзанд и цветущий барбарис, полезный для печени. В общем, девушка немного красивее американской певицы.

– А вы в курсе любезная, – обратилась к Барбаре Цветущей Русалка, что такими именами, как у тебя в Англии называют лошадей?

– Не верю, – ответила Барбара Цветущая. – Приведите пример, пожалуйста.

– Помидор Полосатый. Георгин Сентябрьский. Огурец Большой. Дауни Младший. Впрочем, последний мужчина. Его можно не считать. Этого достаточно? – спросила Русалка.

– Спасибо, да, – ответила Барбара Цветущая. Она встала и пригласила одну из:

– Этих Мамочек на середину бара.

– Извольте, – сказала Русалка и встала. Но Шугэ сказала:

– Я должна быть первой. И знаете почему? Я не люблю горчицу. И тем более не люблю ее носить. Могу добавить к вышесказанному еще одну вещь. А именно: я ненавижу тех, кто меня просит носить им горчицу. Окей. Теперь всё.

Барбара Цветущая отличалась тем, что дралась только ногами.

– И знаете почему? – говорила она. – У меня фирменный маникюр.

Шугэ отразила три удара.

– Ты удивительно легко справляешься с ударами ее ног, – прокомментировала Русалка начала боя. Смотри, как бы эта легкость не была обманчивой. Впрочем, где ты научилась защищаться против ног?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.